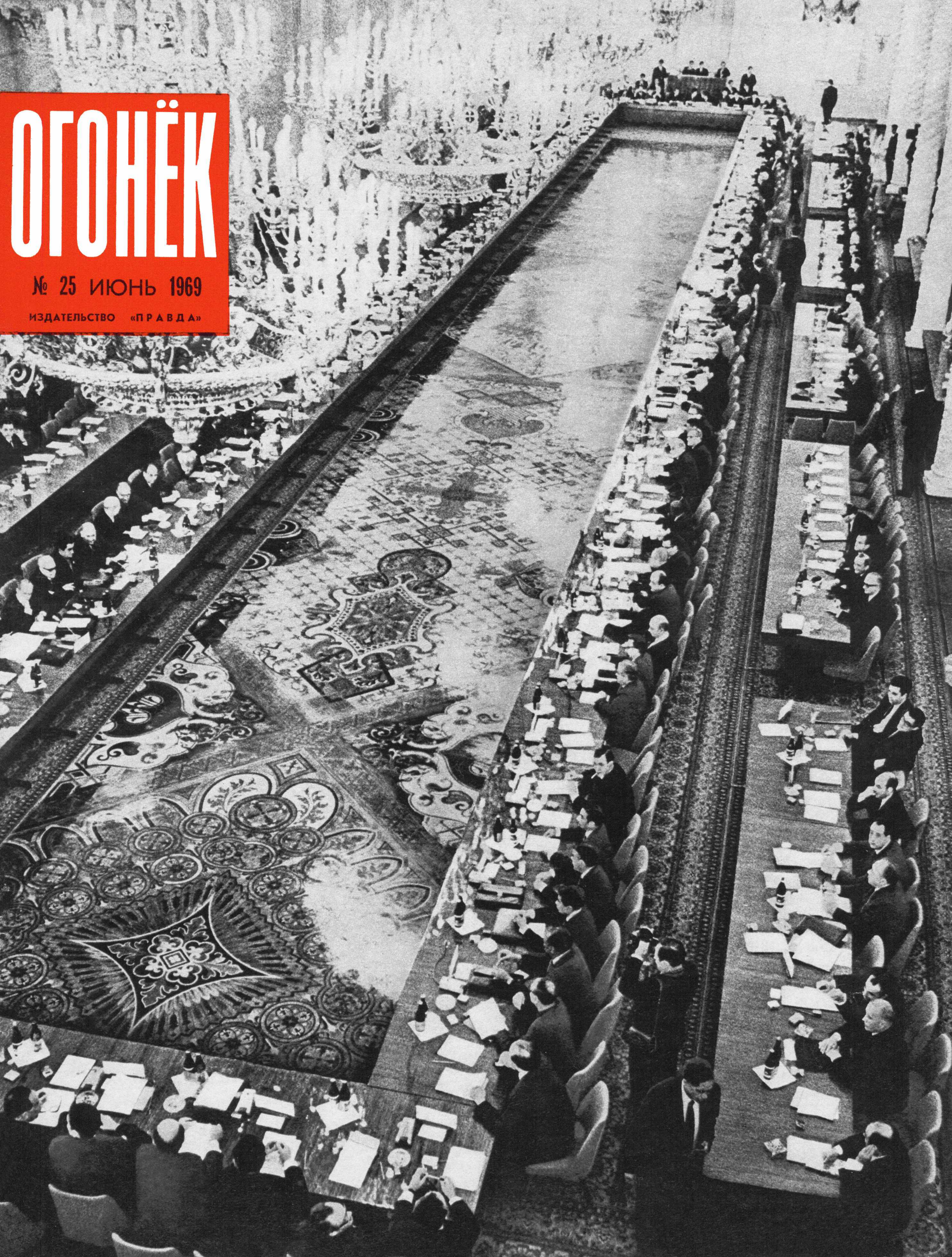

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Верность марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму, беззаветное и преданное служение интересам своего народа, общему делу социализма — необходимое условие эффективности и правильной ориентации единых действий коммунистических и рабочих партий, залог успеха в достижении ими своих исторических целей.

...Народы социалистических стран, пролетарии, все демократические силы в странах капитала, освободившиеся и угнетенные народы, — объединяйтесь в общей борьбе против империализма, за мир, национальную независимость, социальный прогресс, демократию и социализм!

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 25 (2190)

21 ИЮНЯ 1969

(Из Основного документа международного Совещания представителей коммунистических и рабочих партий «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил»).

Глава делегации КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев беседует с главой делегации Коммунистической партии Чехословакии Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком.

С 5 по 17 июня 1969 года в столице нашей Родины Москве происходило международное Совещание коммунистических и рабочих партий.

Представители коммунистического движения пяти континентов земли, посланцы 75 коммунистических и рабочих партий приняли участие в его работе.

Совещание в Москве состоялось в ответственный момент мирового развития. В мире развертываются мощные революционные процессы. В борьбе против империализма объединяются три великие силы современности: мировая система социализма, международный рабочий класс и национально-освободительное движение. Нынешний этап характеризуется ростом возможностей для нового продвижения вперед революционных и прогрессивных сил.

Совещание обсудило актуальные задачи борьбы против империализма и проблемы единства действий коммунистов, всех антиимпериалистических сил. В результате дискуссии, проходившей в духе демократии, равноправия и интернационализма, участники Совещания пришли к общим выводам о положении в мире и вытекающих отсюда задачах.

Главный итог работы Совещания выражен в Основном документе «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». Этот Документ является результатом большой и длительной коллективной работы братских партий. Коммунисты, трудящиеся, все прогрессивные силы получили в Документе, принятом на Совещании, конкретную программу действий, которая рассчитана на то, чтобы объединить их в общей борьбе против империализма, против его политики агрессии и реакции, дать новый стимул для активизации этой борьбы во всех частях света.

Глава делегации Монгольской народно-революционной партии Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал и члены делегации КПСС члены Политбюро ЦК КПСС Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин в перерыве между заседаниями.

Член делегации КПСС член Политбюро ЦК КПСС А. П. Кириленко и глава делегации СЕПГ Первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт. Справа — заместитель заведующего отделом ЦК СЕПГ В. Эберляйн.

Фото В. Соболева (ТАСС).

ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНИЗМУ

Хорхе дель ПРАДО, Генеральный секретарь ЦК Перуанской коммунистической партии

Важность единства коммунистического движения для развертывания антиимпериалистической борьбы, для достижения целей рабочего класса ясно выражена в Основном документе, рассмотренном Совещанием.

Единство пролетарских сил было необходимо всегда, с момента возникновения пролетариата, и поэтому Маркс и Энгельс основали I Интернационал почти одновременно с созданием своей великой теории. Размышляя над некоторыми мнениями, я думаю, что в настоящее время единство приобретает еще большее значение, как с исторической точки зрения, так и для борьбы каждого народа и каждого национального отряда рабочего класса.

Историческая борьба между социализмом и капитализмом достигла высшей точки. В то время, когда империалистическая система рушится, испытывая на себе давление со всех сторон, и поэтому становится все агрессивнее, социалистическая система развивается, ее престиж растет в глазах все большей части человечества, и она олицетворяет самую большую надежду не только рабочего класса, но и всех зависимых, колониальных и полуколониальных народов, всех людей, страстно желающих мира во всем мире, благосостояния и прогресса и поэтому отвергающих идею термоядерной войны.

В условиях разложения империализма и повсеместного роста авторитета социалистических идей, роста мощи социалистического лагеря, в первую очередь Советского Союза, в условиях укрепления сил рабочего класса в капиталистических странах, антиимпериалистического движения в зависимых странах и национально-освободительного движения мировой империализм избирает своим оружием в борьбе против нас политику раскола.

Поэтому нашим оружием для более быстрого достижения целей социального и национального освобождения является единство и согласованность действий. Сплоченность социалистического лагеря и единство мирового коммунистического движения являют собой мощную силу, самую передовую и способную ясно видеть будущее человечества.

В этом отношении международное Совещание коммунистических и рабочих партий пришло к полному успеху и целиком отвечает моменту, который мы переживаем,— это касается не только согласия, которое достигнуто, не только документов, которые рассмотрело Совещание, но и той формы, демократической, продуманной, ответственной, в которой эти документы были одобрены с учетом мнений, высказанных в каждой коммунистической и рабочей партии.

Для Латинской Америки работа Совещания является могучим стимулом в антиимпериалистической борьбе, которая охватила весь наш континент.

Я считаю также, что работа Совещания самым подходящим и достойным способом отметила столетие бессмертного Ленина, верность его теории и его принципам интернационализма и воздала должное славной Октябрьской революции, Советскому Союзу и его Коммунистической партии.

К ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ ПОБЕДАМ!

Родольфо ГИОЛЬДИ, член Исполкома ЦК Коммунистической партии Аргентины

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, тщательно подготовленное, чрезвычайно важно для великого дела всеобщей борьбы против империализма, для укрепления коммунистического движения на его пути ко все более знаменательным победам.

Оно состоялось в эпоху дальнейшего обострения общего кризиса капитализма, и его воодушевляли неустанный подъем мировой социалистической системы, успехи антиимпериалистической борьбы рабочего класса и национально-освободительного движения. Нет сомнения, что это историческое Совещание коммунистов мира укрепило единство нашего движения. Оно явилось бесспорным триумфом марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Москва, 17 июня 1969 г. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подписывает Основной документ Совещания: «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил».

Фото А. Устинова.

БУДУЩЕЕ — ЗА СОЦИАЛИЗМОМ

Чедди ДЖАГАН, лидер Народной прогрессивной партии Гайаны

В нашу бурную эпоху мощных народных движений и в то время, когда агрессивные устремления империалистов, особенно империалистов США, по-прежнему сильны, единство международного коммунистического и рабочего движения крайне необходимо.

За последние годы империализм проводил эскалацию войны против вьетнамского народа; в ряде стран подняли голову фашисты. Империалисты делают ставку на локальные войны, надеясь уничтожить прогрессивные движения в странах.

Мы должны вспомнить сегодня середину и конец пятидесятых годов нашего века, когда благодаря твердости и единству социалистического лагеря империалисты были вынуждены находиться в обороне.

Мы не можем простить руководителям Китая отношения ко всем нам. Чем скорее Китай снова войдет в социалистическую семью, тем будет лучше. Особенно для нас, ибо в современных условиях мы сталкиваемся с попытками агрессии со стороны США.

Единство необходимо нашему движению, оно открывает возможности для широкой мобилизации народа на одной платформе действий. Сегодня определенные слои народа, и в частности молодежи, заняты спорами между собой, так как у них разные позиции и разные идеологические линии. Единство коммунистических и рабочих партий не только психологически и материально увеличит нашу мощь, оно позволит отразить все атаки на идеологическом фронте.

Вот почему так важно Совещание в Москве. Оно направлено к тому, чтобы голоса наших партий звучали в мире едино и мощно, как один голос, и чтобы наша марксистско-ленинская точка зрения была выражена предельно ясно. Совещание дало анализ противостоящих сил — сил империализма и сил социализма, ярко продемонстрировало, что будущее — за социализмом. На Совещании выдвинута программа, на основе которой все борцы против империализма могут объединиться для действий.

To, The Readers of Ogonek
(which in our language means
Agni – or Fire)
This international
meeting of Communist Parties will
set the anti-imperialist fire
of revolution burning with more
intense heat than before
14 June 1969

«Читателям «Огонька» (название которого на нашем языке звучит «Агни»).

Это международное Совещание коммунистических партий взовьет пламя антиимпериалистических революций, горящее еще более интенсивным огнем, чем раньше,

14 июня 1969 года.

Данге»

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Этого удивительного человека невысокого роста, хрупкого на вид, с доброй улыбкой на волевом лице мне доводилось довольно часто видеть в те годы, когда я работал корреспондентом в Индии.

Он руководил стачками бомбейских текстильщиков, в разных городах страны вел за собой боевые демонстрации трудящихся, произносил зажигательные речи на массовых митингах, в стенах парламента, написал много книг и статей о практике марксизма-ленинизма в Индии.

Вспоминается одна волнующая встреча с ним в 1961 году, когда в небольшом городке Виджаявада проходил VI съезд Компартии Индии. На съезде присутствовали в

Москва. Красная площадь. 17 июня. Участники международного Совещания коммунистических и рабочих партий возлагают венок к Мавзолею В. И. Ленина.

качестве гостей делегации многих братских партий, в том числе делегация КПСС.

Жаркий тропический полдень. Съезд завершил утреннее заседание, и был объявлен перерыв. В Москве в это время стояло еще утро. Вдруг наш транзистор, который мы слушали здесь почти круглосуточно, донес торжественный голос Москвы — впервые за всю историю планеты в космос поднялся человек — советский гражданин, коммунист Юрий Гагарин. В Виджаяваде еще ничего не знали.

Через десять минут я уже находился в резиденции руководства съезда. В одной из комнат увидел товарища Данге. Он сидел за небольшим столиком, что-то быстро писал на мелких листках бумаги. Когда до него дошел смысл новости, которую я ему сообщил, его будто бы какая-то стальная пружина подбросила со стула. С волнением он воскликнул:

— Фантастика! Слава советским коммунистам! Вы даже не представляете, какое это сейчас имеет значение!

Спустя мгновение я увидел его через окно быстро шагавшим к шамаяне (шатер) — месту работы съезда. Прошло еще несколько минут, и Виджаявада стала напоминать гудящий улей. Руководство КПИ объявило о немедленном созыве экстренного заседания съезда. И, уже выйдя на улицу, я увидел автомашину делегации КПСС, которая ехала по ковру из цветов к шамаяне в сопровождении ликующих толп горожан. Делегаты съезда были все в сборе. Стоя, бурными овациями они встретили советскую делегацию.

И вот 14 июня, спустя восемь лет, я сижу в Москве рядом с товарищем Данге. Он мало изменился. Полон заразительного оптимизма. Спрашиваю его как главу делегации индийских коммунистов на международном Совещании в Москве об общих впечатлениях.

— Отрадно отметить,— говорит он,— что 75 коммунистических и рабочих партий снова собрались вместе. Среди делегатов я увидел многих ветеранов-революционеров, которые в течение всего этого периода вели неутомимую антиимпериалистическую борьбу. Накопилось много вопросов, по которым нам надо было обменяться мнениями. Нас объединяют общие цели, идеалы и философия.

— Какое влияние окажет Совещание на ход антиимпериалистической борьбы в Азии?

— Современное положение в Азии настоятельно требует создания единого, эффективного антиимпериалистического фронта. Я не сомневаюсь, что Совещание будет содействовать этому процессу. Азиатские проблемы носят сегодня очень острый характер. Империализм и реакция ведут бешеное наступление на демократические и революционные силы в Азии. Пагубное влияние оказывает также линия пекинского руководства. Дело в том, что крайне угнетенные массы в Азии привлекают аграрные преобразования в КНР, которые произошли в результате революции. Но нынешняя линия руководства КПК отличается от той, которая была в дни китайской революции. Вот почему исключительно важное значение имеет это Совещание, которое обсуждает тактику борьбы на современном этапе против империализма. Об итогах Совещания узнают широкие массы населения Азии. И им, конечно, не понравятся нападки китайской пропаганды на Совещание. Массы поставят законный вопрос: а почему руководство КПК не только не участвует в Совещании, целью которого является усиление антиимпериалистической борьбы, но даже находится к нему в оппозиции? Совещание приведет к консолидации революционного движения на нашем континенте.

— Скажите, товарищ Данге, какая у вас была самая счастливая минута в жизни?

— Та минута, когда я решил выбрать Ленина моей путеводной звездой в жизни и в революционной деятельности.

Это решение у товарища Данге созрело сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции в России. Именно тогда он встал у истоков индийского коммунистического движения и через созданный им в 1922 году журнал «Социалист» начал пропагандировать в Индии идеи марксизма-ленинизма и решения II конгресса Коммунистического Интернационала по национальному и колониальному вопросу, принятые при ближайшем участии В. И. Ленина. За это английские колонизаторы приговорили Данге к четырем годам строгого тюремного заключения. Так началась его легендарная революционная деятельность в Индии.

Я спросил товарища Данге о его личной жизни, радостях и его планах на ближайшее будущее.

— В моей жизни,— смущенно ответил он,— есть две личные радости. Моя старшая дочь пошла по стопам отца и сейчас является одной из активных руководительниц профсоюзного движения в Бомбее. У младшей дочери, работающей на Московском радио, здесь, в Советском Союзе, родилась девочка. Внучку, которой сейчас полтора года, мы назвали Хима, что в переводе с хинди означает Снежинка. Ну, а что касается планов на будущее, то собираюсь в ближайшее время по просьбе молодежи написать автобиографическую книгу воспоминаний о моей революционной деятельности.

На прощание товарищ Данге на листке моего блокнота написал несколько слов для читателей нашего журнала, который он хорошо знает и любит.

Николай ПАСТУХОВ

СОБЫТИЕ ОГРОМНОЙ ВАЖНОСТИ

Виктор МАЕВСКИЙ

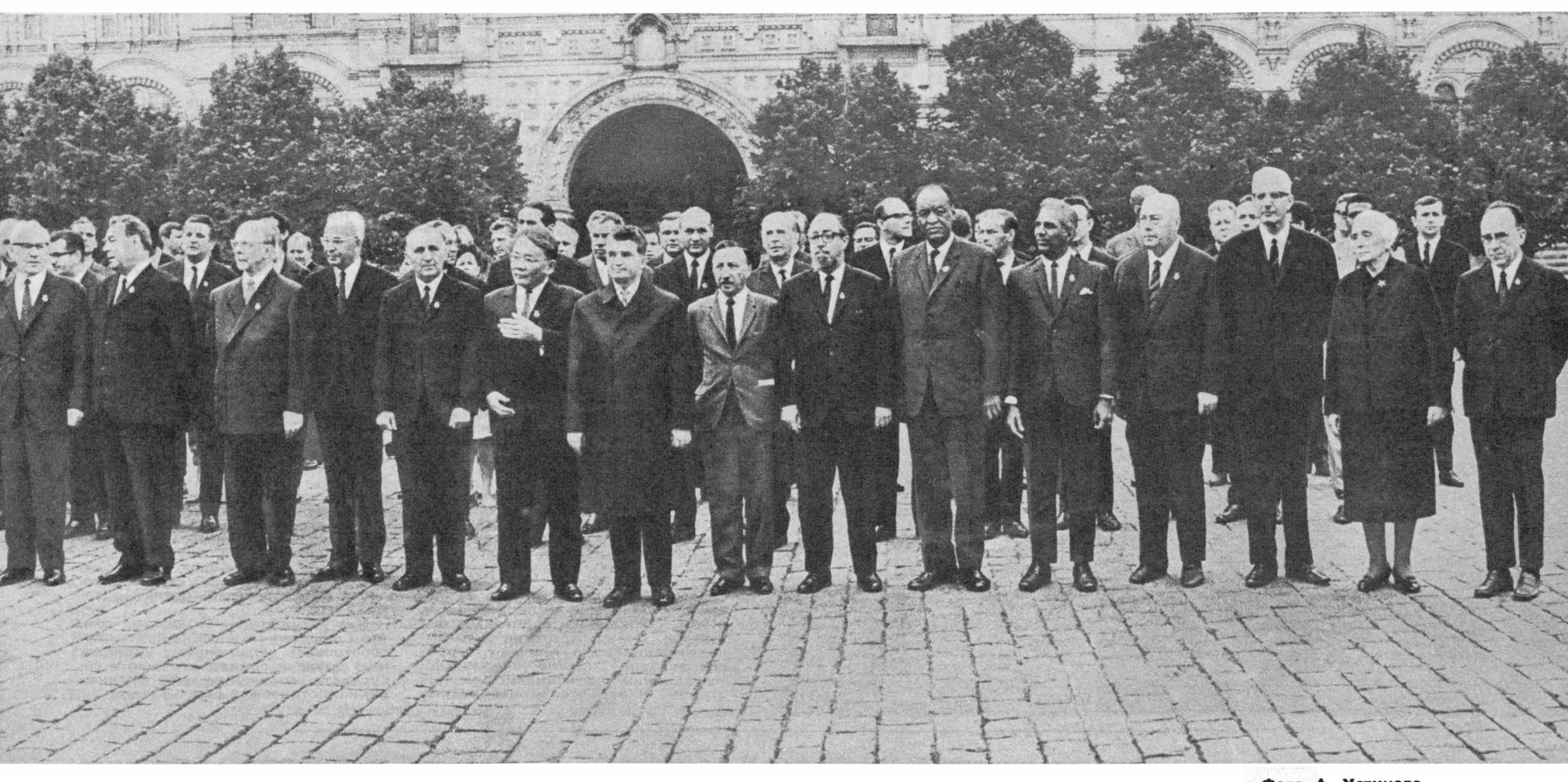

Фото А. Устинова.

В наше время, насыщенное бурными событиями во всех земных сферах и в космосе, не часто бывает так, чтобы внимание мировой общественности было надолго приковано к какому-либо из этих событий. Иное дело — международное Совещание коммунистических и рабочих партий, успешно завершившее свою работу в Москве. О нем писали и говорили задолго до его начала; о нем еще будет написано и сказано много. Его боевые документы, взятые на вооружение мировым коммунистическим движением, станут действенным средством сплочения миллионов людей всех континентов в борьбе против империализма, за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

В мире, охваченном грандиозной научно-технической революцией, в мире сверхзвуковых скоростей, стоэтажных небоскребов, покорения космоса, мощного потока информации и дезинформации, политических убийств и теоретических благоглупостей есть только одна сила, способная трезво оценить обстановку, сказать народам правду, поставить перед ними конкретные и ясные задачи, без решения которых человечество может оказаться в тупике. Это коммунисты, мировое коммунистическое движение. И коммунисты выполняют свой долг.

Выступившие на московском Совещании представители братских партий Америки, Западной Европы, Азии, Африки, латиноамериканских стран вскрыли чудовищную картину преступлений империализма. Вдумайтесь только, что скрывается за этим словом, которое кое-кому может показаться затасканным.

Империализм — это 60 миллионов погибших и 110 миллионов искалеченных в двух мировых войнах;

— это 6 600 000 000 000 долларов ущерба, нанесенного народам в результате военных расходов, больших и «малых» войн, кризисов и депрессий;

— это 1 250 миллиардов долларов военных расходов НАТО в 1949—1967 годах;

— это 375 миллионов людей, живущих на грани голодной смерти, когда каждую секунду от недоедания умирает один человек;

— это более 30 войн и военных интервенций за 24 года после окончания второй мировой войны.

Список преступлений империализма бесконечен. О них никто не имеет права забывать — и московское Совещание сказало об этом во весь голос. Всемирный отклик получили призыв «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!», «Воззвание в защиту мира», Основной документ Совещания — боевая программа борьбы против империализма, за мир и дружбу между народами. С гневом говорили участники Совещания и о пособниках империализма — маоистских раскольниках и провокаторах.

Работа Совещания проходила гласно, и это само по себе — выразительный урок подлинной коммунистической демократии. Буржуазная пропаганда постоянно пытается создавать впечатление, будто социализм, коммунизм находятся в конфликте с демократией, представляют собой-де «закрытое общество». Выдающийся форум коммунистов был открытым демократическим форумом в духе ленинских традиций, и это не раз подчеркивали участники заседаний в Георгиевском зале. Все мы имели возможность видеть, какие позиции занимает та или иная партия, какой вклад вносит она в общее дело коммунистов, как сочетает национальные и интернациональные задачи.

То, что в мировом коммунистическом движении есть трудности,— не секрет. Известные разногласия в нем были еще во времена Карла Маркса. Дело не в наличии тех или иных трудностей, а в том, что коммунистическое движение на всех этапах своего развития преодолевало их, закалялось и крепло, выросло в ту могучую силу, которой оно стало сейчас. В этом развитии мирового коммунистического движения, мирового социализма поистине неоценима роль Владимира Ильича Ленина, и это еще раз подчеркнули участники Совещания, приняв Обращение, призывающее достойно встретить столетнюю годовщину со дня рождения вождя международного пролетариата, основателя первого в мире социалистического государства.

Если международное Совещание — выразительный пример коммунистической демократии в действии, то поведение реакционной буржуазной печати в связи с подготовкой и проведением Совещания — яркий пример бесстыдства и пошлости так называемой «свободной печати». Горы бумаги были исписаны для того, чтобы уверить зарубежных читателей, что Совещание в Москве никогда не соберется. Цистерны чернил были изведены в попытках доказать, что оно «завершится крахом» в первые два-три дня. А сколько тонн типографской краски израсходовано и расходуется на печатание всякого рода фальшивок и выдумок, пустых пророчеств и злобных наскоков на коммунистические партии!

В этом прежде всего — страх перед растущей мощью коммунистического движения, понимание того, что оно сделало важный шаг вперед. Это самое могучее движение современности идет верным ленинским курсом, нанося ощутимые удары по империализму и его пособникам.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ИСТОЧНИК СИЛЫ И ВДОХНОВЕНИЯ

Журнал «Огонек» обратился к зарубежным гостям торжественного Пленума Советского Комитета защиты мира, посвященного 20-летию движения сторонников мира, с просьбой поделиться своими впечатлениями о работе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве.

Ц. ДАМДИНСУРЭН,
академик филологии
(Монгольская Народная Республика)

Мы возлагаем самые большие надежды на международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Оно должно укрепить единство коммунистов и содействовать тем самым усилению борьбы против империалистических сил. Я уверен, что это Совещание будет успешным.

Еще находясь в Монголии, я слушал у приемника выступление Л. И. Брежнева на Совещании. Это обстоятельная, спокойная, хорошая речь, без резкостей, сформулированная точно и сильно, речь человека, взвесившего свои слова. Выступление товарища Л. И. Брежнева содержит глубокий и объективный анализ мирового развития, четко определяет задачи антиимпериалистической борьбы, служит ценным вкладом в теорию и практику международного коммунистического движения.

В нашей стране все с огромным интересом слушали радио, читали газеты. Нам кажется, что те незначительные несоответствия точек зрения, которые есть у некоторых участников Совещания, отступают на задний план перед тем общим, что их объединяет. Вечно живое учение Ленина — вот то общее, что стало в нашу эпоху источником силы и вдохновения миллионов людей во всех странах мира в их борьбе за мир, демократию, национальное и социальное освобождение, за социализм и коммунизм.

Реже САБО,
заместитель председателя Словацкого Национального Совета
(Чехословацкая Социалистическая Республика)

Мне кажется, в Чехословакии с особенным нетерпением ожидали созыва этого Совещания. События прошлого года в нашей стране ясно показали, что нет ничего важнее единства коммунистических партий. События в Чехословакии свидетельствуют об остроте и серьезности борьбы с империализмом, о том напряжении, с которым она ведется. Новая стратегия и тактика империализма придают огромное значение идейно-политическому влиянию на социалистические страны. В этой связи необходимо дальнейшее идейное сплочение коммунистов.

Тот, кто хочет ограничить социализм только узкими национальными рамками, противопоставить их интернациональным интересам, тот действует вразрез с объективными потребностями развития социализма.

Мы абсолютно уверены в том, что Совещание в Москве будет способствовать дальнейшему укреплению дружбы социалистических государств, сплочению всех антиимпериалистических сил.

Ласло МАТЯШ,
секретарь Центрального Совета Отечественного Народного Фронта
(Венгерская Народная Республика)

Сам факт, что спустя почти десятилетие вновь собралось Совещание братских партий, представители которых прибыли со всех континентов, имеет историческое значение для развития международного коммунистического движения.

В коммунистическом движении на нынешнем этапе его развития есть ряд проблем, которые пришла пора обсудить. Существуют важные принципиальные вопросы, касающиеся международного положения, по которым необходимо согласовать позиции и действия коммунистических и рабочих партий. Укрепить единство действий коммунистов нужно в первую очередь для того, чтобы коммунистические партии могли еще успешнее вести борьбу с империалистическими силами, борьбу за мир, за прогресс человечества. Хотя это Совещание, видимо, не приведет к полной ликвидации некоторого расхождения во мнениях, оно, бесспорно, явится важным этапом на пути дальнейшего сплочения международного коммунистического и рабочего движения. Встреча коммунистов 75 партий позволит еще более укрепить солидарность со сражающимся вьетнамским народом, усилить борьбу против милитаристских и империалистических кругов. Не допустить развязывания новой мировой войны, которая принесла бы человечеству невиданные бедствия, защитить и упрочить мир — такова по-прежнему основная проблема нашего времени.

ПАТРИОТЫ В НАСТУПЛЕНИИ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Жил Фернандес, Константино Тейшейра и Карлина Перейра.
Фото автора.

— Вот уже семь-восемь месяцев, как мы атакуем. Мы ведем только наступательные бои. Если мы не начинаем действовать, то и враг сидит смирно, не высовывается из своих военных лагерей. Уже боится.

Эти слова сказал мне Константино Тейшейра, человек, приехавший из страны, которую еще называют кое-где «португальской» Гвинеей и которая даже фактически перестала быть «португальской», потому что уже две трети ее территории представляют собой освобожденные от колонизаторов районы.

Тейшейра и его товарищи — Жил Фернандес, представитель партии ПАИГК в Каире, и Карлина Перейра, работник секретариата партии, — недавно находились в СССР по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

Константино Тейшейра, бывший автомеханик, бывший солдат португальской армии, бывший подпольщик, работавший в столице колонии — Бисау, бывший политический заключенный, который совершил побег из португальского застенка, ныне — командующий Южным фронтом патриотов. Он руководит военными операциями, которые заставляют португальских колонизаторов покидать военные лагеря, понастроенные за последние годы повсюду, и отступать в укрепленные пункты поближе к побережью Атлантического океана.

— Не так давно наши силы выгнали португальцев из военного лагеря в Мадине, — рассказывают Константино Тейшейра и его товарищи. — Лагерь осаждали четыре месяца. Кубинские кинооператоры сделали фильм об атаках на Мадину. Теперь этот фильм — уже о прошлом, потому что военный лагерь в наших руках. Один португальский журналист, побывавший недавно в «португальской» Гвинее, написал, что положение колониальных войск сейчас подобно положению американских интервентов во Вьетнаме. Португальские силы подвергаются постоянным атакам. И не случайно этот журналист вспомнил о Кхесани — американской базе, которую захватили вьетнамские патриоты...

Потом друзья из борющейся страны рассказывают, как устроена жизнь в освобожденных районах. Они отмечают, что в деревнях, свободных от колонизаторов, растет сельскохозяйственное производство, что налажена система образования.

— Раньше в нашей стране было 98 процентов неграмотных, — говорят они. — Теперь в освобожденных районах для учебы открыты новые возможности. Мы создали 150 школ. Мы ставим задачу не только научить людей читать и писать, но и подготовить кадры для будущего. В этом нам помогают и социалистические страны.

И потом гвинейские друзья говорят:

— Португальских колонизаторов поддерживают империалистические страны. На их стороне НАТО. Мы в своей борьбе опираемся на солидарность антиимпериалистических сил и высоко ценим эту солидарность. Мы дорожим дружбой тех, кто стоит на нашей стороне, — дружбой братских африканских стран, дружбой с социалистическими государствами и в первую очередь с Советским Союзом. То, что мы видели в вашей стране, мы хотели бы осуществить и у нас. Мы стремимся к тому, чтобы наши дружеские отношения сохранялись и развивались.

А. СЕРБИН

НАЧИНАЯ ЖАТВУ...

В печати опубликовано постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1969 году». Советские люди — и те, кто непосредственно трудится на поле, и те, кто призван помочь им провести уборку урожая быстро, без потерь, заготовить необходимое количество зерна и кормов,— горячо взялись за осуществление боевой программы действий, намеченной партией и правительством.

Жатва уже началась. Гулом комбайнов огласились земли Таджикистана и Узбекистана. Заколосились озимые и яровые в Краснодарском крае. В южных районах края идет уборка озимого ячменя. Механизаторы выведут на поля Кубани более 10 тысяч жаток и 15 тысяч комбайнов.

На снимке: идет косовица озимого ячменя на полях колхоза «Кавказ», Абинского района, Краснодарского края.

Фото Е. Шулепова (ТАСС).

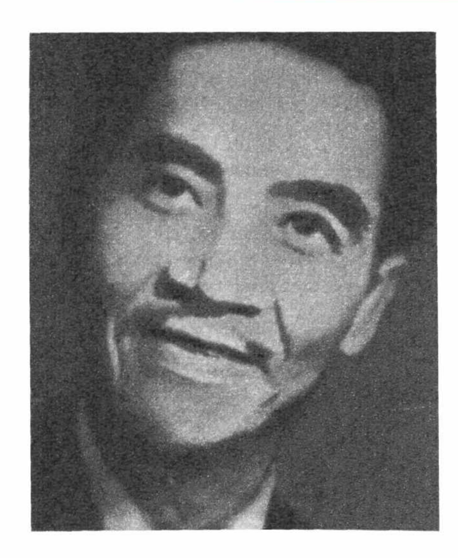

ВСЕНАРОДНАЯ ПОДДЕРЖКА

Решительную поддержку советского народа вызвало Заявление Советского правительства, переданное правительству КНР. На предприятиях прошли многолюдные митинги. Все выступавшие приветствовали мудрую и справедливую позицию Советского правительства. Трудящиеся одобряют спокойный, уверенный тон Заявления, проникнутого стремлением к миру и добрососедству, документа, направленного на нормализацию отношений между двумя странами.

Все советские люди осуждают пограничные провокации пекинских властей и единодушно подписываются под Заявлением, где, в частности, говорится: «Любая попытка преступить советскую границу получит сокрушительный отпор».

На снимке: митинг в литейном цехе завода «Динамо».

С 6 по 8 июня 1969 года в освобожденной зоне Южного Вьетнама состоялся конгресс представителей народа Южного Вьетнама. В нем участвовали представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех революционных, патриотических, религиозных, национальных и общественных организаций.

Конгресс единодушно принял решение о создании Республики Южный Вьетнам и учреждении Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

Это правительство выражает чаяния народа, является его подлинным представителем, заявил на пресс-конференции в Москве глава постоянного представительства Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в Москве Данг Куанг Минь.

Конгресс принял «Заявление о программе действий Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам». В нем говорится, что Временное революционное правительство ставит своей целью сплотить южновьетнамские вооруженные силы и народ для того, чтобы активизировать борьбу против агрессии США, за спасение страны, за успешное выполнение задач, поставленных конгрессом народных представителей.

Советское правительство признало Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин поздравил Председателя Временного революционного правительства Хюинь Тан Фата с назначением на этот пост и пожелал ему успехов в борьбе за свободу и независимость южновьетнамского народа.

О признании Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам объявили многие страны мира.

Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве направило Временному революционному правительству Республики Южный Вьетнам телеграмму, в которой создание этого правительства расценивается как новый и важный этап в героической освободительной борьбе вьетнамского народа.

На снимке: Председатель Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Хюинь Тан Фат.

Андрей ПЛОТНОВ

П. П. Соколов-Скаля. АВТОПОРТРЕТ. 1955 г.

Солдат бессрочной службы

В один из мартовских вечеров 1943 года я стоял у подъезда высокого дома в Старо-Пименовском переулке и ждал. Прошел снег. На улице тихо. Мохнатые лапы деревьев, пушистые провода, белая целина мостовой — все мерцает в таинственном свете синих фонарей. Москва затемнена.

— Андрей Плотнов?— вдруг слышу рядом густой баритон.

Передо мной высокий, пожалуй, очень высокий мужчина, в большой меховой шапке и шубе. На бледном лице черные внимательные глаза.

Я крепко жму руку Павла Петровича Соколова-Скаля, которого я сразу узнал по описанию товарищей.

— Слыхал, слыхал о тебе,— говорит Скаля, — да и диплом твой видел. Ладно написан. Иди к нам в студию,— предлагает он.

Прошло четверть века, и сегодня мне особенно ясно, как важна была для моей судьбы эта встреча и последующая творческая дружба с этим большим художником и замечательным человеком.

И вот Павел Судаков, Александр Волков, Михаил Мальцев, я и другие — недавние дипломники Московского изоинститута — в новой студии пограничных войск, которой руководил Скаля.

Около Белорусского вокзала, в новом сером здании, на третьем этаже,— огромный общий зал — мастерская, где мы вместе рисуем, пишем, компонуем. Работа спорится. Сил и желаний много. Ездим на фронт, привозим рисунки, портреты бойцов, эскизы будущих картин. После поездки под Курск пишу картину, увиденную мною в жизни. Там, на подступах к городу, в только что освобожденном селе, солдаты вели схваченного старосту-изменника. Женщины, старики обступили предателя...

Скаля отличался редким художественным тактом, был талантливый педагог. Ученик знаменитого русского живописца Ильи Ивановича Машкова, он прошел у него превосходную школу и охотно делился своими знаниями с молодежью, никогда не подавлял нас своим авторитетом известного художника, создавшего крупные и завоевавшие признание полотна: «Окопная правда», «Таманский поход», триптих «Щорс», «Рабочий отряд уходит на фронт» и много других.

Павел Петрович уважал в нас художников, пусть молодых, и мы чувствовали себя его товарищами. Он часто писал вместе с нами в студии и на натуре. Был «жаден на работу» и необычайно энергичен. Словом, мы все быстро полюбили его, и он, как мне думается, скоро привык к нам и платил нам тем же.

По вечерам, окончив трудовой день, мы собирались вместе в студии. Заваривали покрепче чай, который любил Павел Петрович, и под доброе урчание чайника он рассказывал нам о своем детстве, о годах революции и гражданской войны, об учебе у Машкова. Говорил он объемно, красочно. Я многое записывал, многое позабыл. Восстановить рассказы в памяти помогла его книжка «Долг художника», отрывки из которой он нам читал, над которой работал много в последние годы жизни.

Мне довелось писать несколько картин вместе с Соколовым-Скаля, и каждая очередная работа с ним приносила мне радость. Счастье — от общения с интересным бывалым человеком и творческую радость — от содружества с ярким и темпераментным живописцем. Словом, я учился у него работать и жить. Видеть мир. А видел Скаля природу, людей, события необычайно пластично.

— Золотая пора — детство,— иронически улыбался Скаля и рассказывал нам о своих первых жизненных впечатлениях: — Помню вздутые трупы босяков, накрытые рваной рогожей на дощатых тротуарах Саратова. Полосатые будки. Будто слышу визг нагаек, крики людей... Зловоние Глебучева оврага. Грандиозный муравейник людской нищеты и мир баснословной наживы. Волга. Весенние буйные разливы, когда на многие версты вширь катит река рыже-лиловые пенные водовороты. Громады пароходов. Гигантские плоты и баржи-беляны, и мы, мальчишки, стайками на лодках, а порою и на бревнах.

В студии сумерки, мы окружили Павла Петровича, а он неторопливо, густым говорком живописует нам далекое прошлое:

— Я рос сиротою. Отец умер от чахотки. Тяжело было. Вспоминаю светлую пору, когда мне удавалось уезжать к дяде Егору в Верхний Курдюм, что в двадцати верстах от Саратова. Там, правда, приходилось делать всю «мужичью» работу, но зато какая красота природы открывалась передо мною. В березовых перелесках напоенный солнцем воздух гудит. Рядом с прудом и плотиной под сенью кудрявых ветвей — колоды ульев. Старый, седой прадед Савелий. Ему в ту пору было сто четыре года. Крепкий, как вековой дуб, он был слеп. Рассказывают, что на седьмом десятке, возвращаясь с мельницы, поднял он плечом завалившийся воз и, надорвавшись, лишился зрения.

Как сейчас помню его в сиянии седых косм, в выбеленной солнцем длинной по колено рубахе.

Мы смотрим на Павла Петровича и видим в нем самом эту самую «соколовскую» русскую породу — ладно скроенную, могучую...

— Никогда я не забывал,— продолжал Скаля,— эту «саратовскую закваску». Рано я увидел жизнь во всей ее суровости, но зато я еще лучше смог ощутить и полюбить всю прелесть родной природы...

Вдруг Павел Петрович запел, сперва негромко, словно даже робко, потом голос его окреп. Свежим, сочным баритоном он выводил свою любимую «Дубинушку».

Мы знали, что Скаля любит песню, да это и не мудрено: он волгарь. Но что он так музыкален и что у него такой славный, свежий голос, было откровением. Мы дружно подхватили припев...

— Здорово у нас под Саратовом в Баландинской волости поют,— вспоминал Павел Петрович.— Поют под напевные звуки саратовской гармонии с нежным перезвоном. Поют просто, душевно, чистыми молодыми голосами, естественно, без взвизгиваний, без деревянности. Я лишь на Украине слышал вот такие привольно, без натуги льющиеся песни...

Те суровые дни, наполненные упорным трудом, вечера в нашей студии, беседы с Соколовым-Скаля воспитывали в нас любовь к родной природе, Родине, к творчеству, развивали чувство прекрасного. Особенно запоминались его рассказы о революционных буднях Москвы 1917 года.

Мы словно видели, словно присутствовали вместе с ним на грохочущих улицах Москвы, вдыхали грозовую атмосферу штурма Кремля, уличных сражений... Вот всего лишь абзац из его воспоминаний:

Ночь, гололедица. Беспрерывно хлещет дождь. У дома по Б. Лубянке в лихорадке выхлопов бьется броневик, косой свет из двери освещает хлопающее мокрое кумачовое полотнище флага. Вооруженные люди то входят, то стремительно спускаются с лестницы, строятся и исчезают во тьме, блестя кожанками, металлом оружия. Тут продолжается то, что десять дней свирепо ревело на улицах, но сейчас все

П. Соколов-Скаля. ГИБЕЛЬ НАЧДИВА.

(Правая часть триптиха «ЩОРС»). 1938

П. Соколов-Скаля. ОКОПНАЯ ПРАВДА. 1931

тихо, и только топот небольших отрядов решительных, хмурых людей нарушает унылую песню дождя. Это пятно света в злую черную ночь, бьющийся пульс стального броневика и беспокойно хлопающее полотнище красного флага не уйдут из памяти, никогда не забудутся!..

Как это ярко, точно! И это мог зафиксировать только зоркий глаз очевидца.

Молодой художник метался по улицам и площадям пылающей Москвы. В его юной душе навсегда оставались образы Великого Октября.

Соколов-Скаля не раз говорил:

— Я хотел видеть все полно, глубоко и выпукло... пока наконец все виденное громадное горе и героизм народный не привели меня к ясной и настоящей цели, цели служения революции. С той поры, как солдат бессрочной службы, я считаю себя и свое искусство навеки мобилизованным партией, готовым на самые трудные дела и испытания.

И он отвечал делом. Все его героические полотна глубоко прочувствованны, их письмо взволнованно, правдиво.

Один из лучших холстов — «Гибель начдива». Это правая часть триптиха «Щорс», написана в 1938 году. Я помню, как на выставке «20 лет Красной Армии» была восторженно принята эта яркая работа Скаля.

Щорс — герой! Последние минуты его жизни полны мужества и отваги. Он в упор глядит на наступающего врага. Он готов встретить его. Соратники Щорса — храбрецы, презирающие смерть. Посмотрите на пулеметчиков. Их не сломить, они будут биться с беляками до последней пули, до последнего вздоха.

Скаля часто упрекали за «романтизм», но мне кажется, что это его большое качество, исходящее от великой искренности живописца, от его горячей любви к солдатам революции, к своим братьям.

«Рабочий отряд». Это прекрасный пример художественного репортажа мастера-свидетеля, не только видевшего изображаемое, но и бывшего участником, рядовым героем картины. Вот что говорил сам Скаля об этом полотне:

— Рабочий отряд — из эпохи гражданской войны. Вдали идет бой за обладание городом; из ворот выходит отряд рабочей гвардии, немногочисленные провожающие, по лужам выщербленной мостовой — четкий шаг уходящего отряда; рваное осеннее небо; суровые, закопченные заводские корпуса.

Сдержанно, без прикрас, скупыми красками написан этот холст.

Вот история из жизни художника, которая помогла ему найти своеобразный псевдоним Соколов-Скаля, в котором приставка Скаля может показаться загадочной.

В мае 1918 года молодой мастер попадает в город Хвалынск. Тут в город врываются белые и мобилизуют Павла Соколова. Но он бежит от беляков в город Троицк, где устраивается работать в местный театр художником сцены. Там он близко подружился с малярами-декораторами венграми, которые спасли его от ареста белыми, вручив ему документ их товарища венгра Скаля. Так и появилась эта звонкая добавка к русской фамилии Соколов.

В этой маленькой истории всего лишь штрих из бурной биографии живописца. Но сколько в ней истинной напряженности, действия, драматизма, свойственного тем далеким годам!..

Шла война. Наша студия энергично «выдавала на-гора́» картины, плакаты, портреты героев Великой Отечественной войны.

Соколов-Скаля в то время был бессменным художественным руководителем мастерской «Окон ТАСС» и сам автором более трехсот «Окон».

В этих «Окнах»-плакатах, ярких, острых, с элементами народного лубка, с бросхими подписями-лозунгами, призывами в каждом листе, был заложен своеобразный боевой снаряд.

В «Окнах ТАСС» сотрудничали замечательные советские художники и поэты — Дейнека, Кукрыниксы, Черемных, Жаров, Лебедев-Кумач, Маршак и многие другие.

Скаля привлек к работе и студийцев, в их числе был и я.

На Кузнецком мосту, где теперь выставочный зал, были мастерские, кипела, бурлила своеобразная работа: трафаретили, печатали «Окна», тут же часто сочинялись и читались стихи. Это было замечательное боевое время...

...Война подходила к концу. Соколов-Скаля продолжает работу над батальной темой. Он нисколько не устал от огромной нагрузки тех лет. И он задумывает создать диораму, посвященную городу-герою Севастополю.

Мне посчастливилось работать вместе с ним над огромным холстом «Штурм Севастополя 9 мая 1944 года».

На этом полотне изображены многие боевые герои, участники штурма и среди них — Михаил Лагутин, правнук знаменитого Аверьяна Лагутина, участника защиты Малахова кургана 6 июня 1855 года. Так через сто лет правнук продолжил славные боевые традиции.

...Война окончилась. Но Скаля не оставляет героическую тематику. Он едет в 1946 году в Краснодон. Мечтает написать картину о героях «Молодой гвардии». Вот что рассказывал художник о своих ощущениях:

— Огромный синий купол сверкает множеством ярких звезд. Они близко-близко. Вот большая звезда как будто висит над терриконом, и кажется: поднимись на его вершину, можно, привстав на цыпочки, дотянуться до холодно сверкающего алмаза. Почему, когда смотришь в звездное небо, всегда думаешь о юности? Может быть, потому, что ощущения огромных пространств, величие необъятной вселенной, бескрайние горизонты свойственны только чувствам юных? Я стою на вершине террикона под этим небом, кругом спокойная, в жемчужном сиянии лежит донецкая степь. Слышно ровное дыхание шахт, мирно спит город, погруженный в пышную зелень садов. Подо мною трагически распростертый в рваном железном кружеве мертвый копер шахты № 5, зияющая, страшная яма заброшенного шурфа, опрокинутые вагонетки, бурьян. Лежащий копер тянет к небу изуродованные ржавые руки, как бы в страшной клятве, в крике о мщении за чудовищные злодеяния гитлеровцев, за смерть лучших из юных, за муки и издевательства над прекрасной и героической их молодостью.

Мы слышим, мы знаем, мы никогда не забудем. В холодные, зимние ночи их привозили партиями в это страшное место, загоняли в старую баню для последних пыток и издевательств. Стены этой бани были до потолка в кровавых пятнах. Потом их волокли к зияющей яме шурфа и бросали в пятидесятиметровую глубину и на живых сбрасывали чугунные вагонетки. Я стою на вершине террикона шахты № 5 и с волнением думаю о предстоящей мне почетнейшей и труднейшей для художника работе: нужно создать картину — памятник великим, героическим делам «Молодой гвардии».

Павел Петрович с глубоким волнением приступил к работе над картиной, он знакомился с документами, фотографиями, встречался с участниками, писал их.

Он рассказывал мне, какое огромное, неизгладимое впечатление произвели на него дневники Ули Громовой, и читал мне отрывки из них:

«Что может противостоять твердой воле человека? Воля заключает в себе всю душу, хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить; одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, творческая власть, которая из ничего делает чудеса!..» (Лермонтов)».

«В жизни человека бывает период времени, от которого зависит моральная судьба его, когда совершается перелом его нравственного развития. Говорят, что этот перелом наступает только в юности. Это неправда: для многих он наступает в самом розовом детстве» (Помяловский)».

И, пожалуй, эти замечательные слова послужили как бы ключом к решению картины.

Сюжет ее прост. Молодогвардейцы слушают голос Москвы.

Фадеев в своем романе чудесно пишет об этом:

«Тот, кто не сидел при свете коптилки в нетопленной комнатке или в блиндаже, когда не только бушует на дворе осенняя стужа,— когда человек унижен, растоптан, нищ — кто не ловил окоченевшей рукой у потайного радио свободную волну своей Родины, тот никогда не поймет, с каким чувством слушали они эту речь из самой Москвы...

Гитлеровские мерзавцы... насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер... Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных, безоружных людей... Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов...

Это говорила их надежда и месть...

Дыхание огромного мира, окружающего их маленький городок, затоптанный в грязи сапогами вражеских солдат, мощное содрогание родной земли, биение ночной Москвы врывались в комнату и наполняли их сердца счастьем сознания своей принадлежности к этому миру...»

Мне довелось позировать Павлу Петровичу для образа Ивана Туркенича. Он стоит на картине у стола справа. Его военная одежда и выправка как бы говорят: «Я солдат, и солдат должен выполнить приказ...»

Солдат партии. Это любимый образ Скаля. Это, по существу, образ автобиографический...

Соколов-Скаля говорил: «Я счастлив тем, что за маленький отрезок времени, за одну человеческую жизнь сумел увидеть такое, что не вмещалось раньше в масштабы многих столетий».

И он не только увидел, но и много отразил в своих прекрасных картинах. Скаля со всей силой своего неуемного темперамента активно боролся за счастливое будущее свободного человека. Он отдал народу, Родине весь пыл своей души, весь свой труд, весь свой талант.

Он был поистине солдат бессрочной службы, солдат революционного искусства, творящего новый, завтрашний мир.

* * *

В наши дни, когда советские художники готовятся достойно отметить великий юбилей Ленина, особенно весомо звучат слова великого вождя: «Искусство принадлежит народу».

Соколов-Скаля вспоминает о том знаменательном моменте, когда огромная работа над восстановлением уничтоженной гитлеровцами панорамы «Оборона Севастополя» была закончена и авторы ждали прихода зрителя — народа.

«Вот шаги — слышно тяжелое дыхание и, грузно опираясь о поручни лестницы, поднимаются на площадку пожилые, много перенесшие за свою долгую трудовую жизнь люди — старики, матросы, рыбаки, рабочие верфей, их жены. Они одеты в поношенное, выгоревшее на солнце, обожжены зноем. Глаза их, неумолимые, светлые, гневные глаза, жадно впиваются в полотно панорамы. Ревниво-внимательно, как будто ища следов преступления, просматривают каждую деталь полотна и натурного плана. По многу раз обходят кругом и... Я вижу потепление лиц и слезы, слезы благодарности на старых, так много видевших прекрасных глазах. Я не помню счастливей мгновенья.

Люди, отстоявшие родной город, перенесшие невиданные страдания при оккупантах, восстановившие его своими руками, ревниво хранящие каждый священный севастопольский камень, со слезами благодарили художников за то, что снова и, как они говорили, еще сильнее светится слава родного города — гордой твердыни на Черном море.

Как необходимо искусство народу!»

Святые слова...

Репортаж Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и К. БАРЫКИНА

ДОМ, ПОЛНЫЙ СВЕТА

Архитектуру называют застывшей музыкой. Если так, то здание СЭВ — аккорд, звонкий, могучий, величественный. Дом этот очень пришелся к месту.

В нем будут работать представители социалистических стран, объединенных добрым содружеством,— Совет Экономической Взаимопомощи. Комплекс и возводился сообща архитекторами и строителями этих стран — большим, умелым коллективом.

Архитектор Секретариата СЭВ Валентина Васильевна Полозенко показывает нам комплекс зданий, рассказывает о строительстве, знакомит с коллегами из других стран.

Эндре Фехер, руководитель работ, выполняемых специалистами Венгерской Народной Республики, обстоятельно рассказывает об одной из примечательностей стройки — мозаике, украсившей три этажа наружной стороны громадного цилиндра, внутри которого разместились конференц-залы. Мозаика — 1 500 квадратных метров — выложена из естественного камня, венгерского и русского, болгарского и немецкого... Автор ее — советский художник Г. И. Опрышко, а изготовлена мозаика в Венгрии, на предприятиях фирмы «Кёфарго», и собрана в Москве. Это лишь один пример творческого содружества.

...Пройдем по конференц-залам. В самом большом и просторном — около тысячи мест. Партер, бельэтаж. Продуманная конструкция, мастерское исполнение. В подлокотниках кресел — пюпитры для короткой записи и установки для перевода речей, позволяющие слушать выступление оратора на пятнадцати языках. На балконах зала — телевизионные камеры. СЭВ имеет свое, внутреннее телевидение, позволяющее — в каком бы зале вы ни находились — подключиться к любому заседанию, как бы присутствовать на нем.

В высотном корпусе, в том, что возвышается над Москвой-рекой, в корпусе, с крыши которого город как на ладони,— представительства стран — членов СЭВ. Каждой отведены свои апартаменты. По планировке они одинаковы, но в характере отделки комнат и кабинетов заметны национальные черты. Во всем проявлены изобретательность и оригинальность. И одна задача, одно стремление — создать максимум условий для плодотворной, творческой работы. Весь комплекс снабжен установками для кондиционирования воздуха. Нужная температура и влажность поддерживаются автоматически. Для московских высотных зданий это новинка. Отличные лифты, сделанные на чехословацких заводах, быстро доставят на любой этаж; лифтов тринадцать, почти все они скоростные, с программным управлением.

В здании много и небольших, но весьма приятных неожиданностей. Даже вешалка, обычная, казалось бы, вешалка в гардеробе. Спроектировал ее венгерский архитектор Л. Хорничек, а фирма «Декорация», выполнив эту работу, сумела отлично осуществить его придумку. По сути, весь гардероб, номеров на семьсот, уместился в стене. Его нет, когда он не нужен. Только темного дерева панель. Поворот рычажка — часть стены отъезжает в сторону, на ней крючки с номерками. Удобно и очень оригинально.

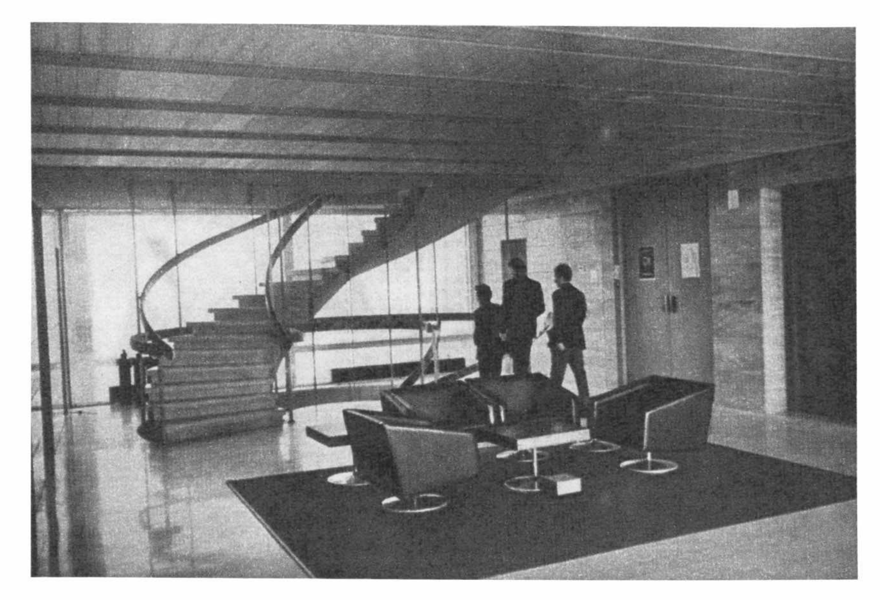
В зале, где стоит большой круглый и два прямоугольных стола и многие десятки кресел, есть одна особенность: он легко трансформируется. Этому помогают раздвижные стены. Они собираются в гармошку и по рельсам уплывают к стене. Минута, может, две тратится на то, чтобы из одного зала сделать три. Центральный — для заседания Исполнительного комитета СЭВ, а боковые — для работы комиссий. Тут тоже полнейшая радиофикация, тоже пятнадцать каналов для перевода.

Кирилл Босев, болгарский архитектор, с которым мы сейчас беседуем, вправе бы особо гордиться этим залом «три в одном». Он почти полностью отделан болгарскими мастерами. Но Босев не забывает сказать о том, что проект разработан в институте «Моспроект-2», а раздвижные стены-перегородки изготовлены в ГДР фирмой «Герциния».

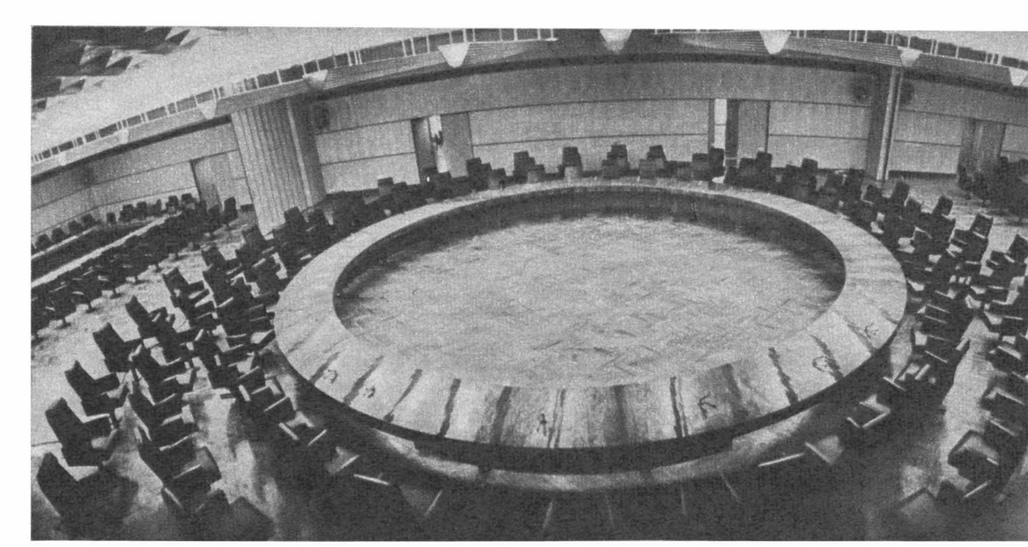
— Для того, чтобы выдержать одну тональность, один стиль, мы отправили немецким коллегам материал точно такой же, какой использовали для основных стен. И они сделали из него эти перегородки-стены.

Тесное, четкое, продуманное в самых малых деталях сотрудничество между специалистами и строителями всех стран, принявшими участие в сооружении зданий СЭВ, заметно повсюду. Алюминиевые навесные панели и витражи изготовлены и смонтированы польскими товарищами — это была непростая работа, приходилось учитывать и высоту здания и то, что стоит оно на семи ветрах. И сейчас на стройке, то тут, то там, и на первом этаже, и на крыше, часто можно видеть всюду успевающего Яноша Пешко, польского специалиста, шеф-монтажника по работам с алюминиевыми конструкциями. Оригинальные светильники в потолке цокольной части здания разработаны московскими архитекторами. Работали специалисты всех стран — членов СЭВ. Автоматическую телефонную станцию, например, сделали в ГДР. Оттуда же светильники, киноаппаратура. Румыны поставили керамическую плитку, белый и черный мрамор. Из Чехословакии привезли сантехническое оборудование. Словом, этот полный света дом для всех делался всеми! Оригинальность и величие его архитектуры лишь подчеркивают значительность и важность дел, которые будут вершиться в этих стенах.

Почти на каждом этаже — такие холлы.

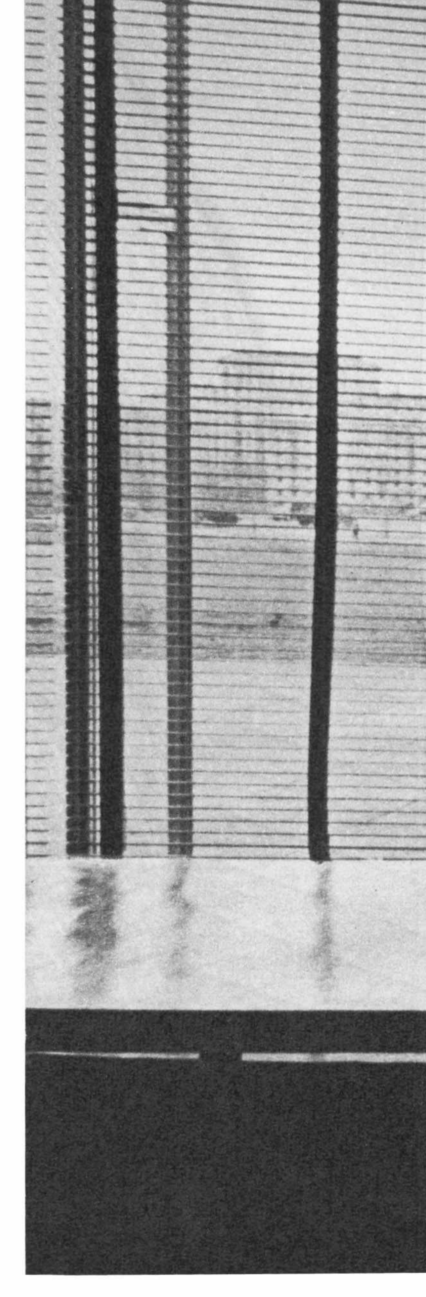
Здесь будут проходить заседания Исполнительного комитета СЭВ.

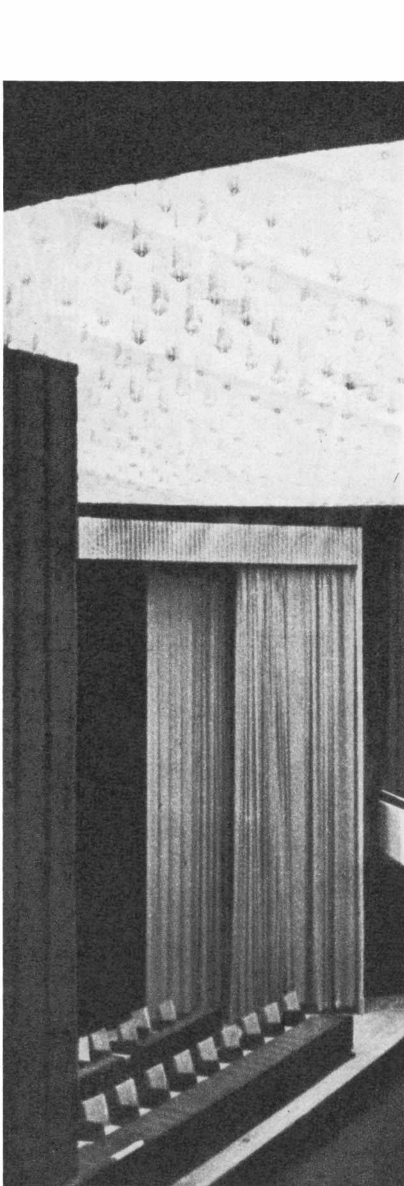
Строители, архитекторы — они приехали из стран — членов СЭВ

◀ **Здание СЭВ — дом, полный света.**

Если посмотреть сверху...

Из окон здания Совета Экономической Взаимопомощи видно далеко окрест.

Это самый большой конференц-зал.

Григорий ХАИТ

Навечно

Репортаж из Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС

ШАГ... В ИСТОРИЮ

Здесь говорят: чтобы шагнуть в историю, ощутить ее дыхание, нужно только открыть массивную, светлого дерева дверь и войти в зал, заставленный из края в край столами с широкими плахами столешниц. Тут, в тишине этого зала, люди порой достигают вершин больших открытий, а порой в одно мгновение рушится то, что годами казалось точным, верным, бесспорным...

Читальный зал наполнен шорохом страниц. Идет поиск. Но вот человек застыл над листком бумаги. Добрых полчаса разглядывает, изучает его. Позавидуйте ему: он нашел драгоценную крупицу.

А в соседней небольшой комнате кто-то неторопливо листает кипу описей — путеводители по архивным фондам. Кто хоть раз раскрывал их, тот не мог не испытать трепетного чувства ожидания.

Но вот наконец исследователь обнаружил то, что так долго искал. И спешит объявить — письменно или устно,— что здесь, в Центральном партийном архиве, он «нашел» документ. Нашел? Обнаружил? Нет, только выявил. Скорее всего так. Это не придирка педанта. Документ, который лег сейчас на стол исследователя, обнаружили, сохранили и сделали доступным для него люди, которых он нередко и в глаза не видел. Кто они?

Закройте дверь читального зала и по широкой лестнице поднимитесь этажом выше. В глубине коридора — две комнаты. Сюда со всех концов земли поступают историко-партийные документы, автографы Маркса, Энгельса, Ленина.

ФОНД № 2

8 июля 1923 года было принято знаменитое обращение ЦК нашей партии ко всем, кто хранил ленинские документы. В конце обращения говорилось: «Члены РКП не должны забывать того, что всякий маленький обрывок бумаги, где имеется надпись или пометка В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции и поможет уяснить задачи и трудности, стоящие на том пути, по которому мы идем, руководимые В. И. Лениным».

Еще до этого обращения Надежда Константиновна Крупская передала много ленинских документов, хранившихся у нее. После обращения ЦК в Институт Ленина поступили ленинские автографы. Откликнулись люди, близко знавшие Владимира Ильича, работавшие с ним бок о бок: Коллонтай, Чичерин, Енукидзе...

Заведующий секцией учета и комплектования документов Центрального партийного архива Юрий Николаевич Амиантов показывает мне полученное из-за границы письмо Алексея Максимовича Горького в Институт Ленина. Оно написано в 1923 году. «Все письма Владимира Ильича за время с 1906—13 года,— писал Горький,— будут переданы на днях секретарю Н. Н. Крестинского (тогда советского посла в Германии.— **Г. Х.**) и отправлены в Москву на Ваше имя. У меня остается очень дорогая мне маленькая записочка, фотографию которой я пошлю Вам же завтра из Чехословакии, куда завтра еду лечиться. Есть еще несколько писем за 18—20 годы, они будут Вам доставлены Е. П. Пешковой в ближайшем времени. Они находятся в России, в Петрограде. Мой сердечный привет и пожелания всего лучшего. А. Пешков».

Все то, о чем упоминал великий пролетарский писатель, вошло теперь в книгу «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы».

Около семисот ленинских документов было прислано в институт в 1923 году. На следующий год — двенадцать тысяч! И к каждому документу — сопроводительное письмо с историей поисков и находки ленинского автографа.

Со дня опубликования обращения ЦК партии в институт поступила не одна тысяча ленинских автографов. Теперь они вошли в Полное собрание сочинений Владимира Ильича. Поступление новых документов продолжается.

Познакомив меня с письмом А. М. Горького, Ю. Н. Амиантов взял со стола небольшую карточку со своей пометкой и неторопливо рассказал об одной из самых последних находок. Бывший научный сотрудник института, ныне пенсионер, Софья Львовна Горькова обнаружила в Центральном государственном архиве РСФСР подготовительные материалы к одному из декретов Советского правительства — «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». Декрет подписан В. И. Лениным. Тот, кто бывал в чудесной всесоюзной здравнице, видел слова ленинского декрета, выбитые на обелиске. Да, было известно, что Владимир Ильич подписал декрет, что он участвовал в его разработке, но какие он сделал поправки, дополнения, какие внес предложения? Вот на эти вопросы и ответила находка Горьковой. Она обнаружила проект декрета, а на его обороте — многочисленные примечания, дополнения, написанные быстрым, динамичным почерком Владимира Ильича.

Нет сомнений, что и сейчас в адрес Центрального партийного архива, в Москву, на Советскую площадь, дом 1/3, идет из какого-нибудь края нашей земли новый ленинский документ или сообщение о том, где, как его искать. Сотни людей разных профессий, возрастов изо дня в день, из года в год ведут активные поиски автографов Владимира Ильича. Ими непрерывно пополняется фонд ленинских документов, фонд № 2.

ВЕРСИЯ. ГИПОТЕЗА. ПОИСК

Разными путями-дорогами попадают ленинские автографы в дом на Советской площади в Москве. Часто не полные, оборванные на полуслове. Чтобы восстановить такие документы, приходилось и приходится проводить многомесячные, а иногда и многолетние исследования.

В фонде долгое время лежал листочек из тетради, исписанный ленинской рукой. По верхнему краю начертано: «Расходы денежные крестьян Вознесенской волости». Когда листок этот поступил в архив, кто-то ориентировочно поставил дату — 1913 год. Но на контрольной карточке рядом с ней — вопросительный знак. Однако настало время, когда исследователи решили попытаться снять тот вопрос. Дело поручили тогда кандидату исторических наук Софье Ивановне Щеголевой.

Как всегда, все началось с версии, гипотезы. Поставлен первый нелегкий вопрос-зацепка: «В каком уезде и губернии России были Вознесенские волости?» Оказалось, была такая в Пермской. Тогда сам по себе возник контрольный вопрос-разведчик: «Кто из русских экономистов исследовал крестьянские хозяйства именно Пермской губернии?» Проверили. И оказалось, что больше всего своих работ этой губернии посвятил статистик Е. И. Красноперов. Теперь путь к библиотечному алфавитному каталогу. Одна за другой перебираются карточки. На одной выведено: «Е. И. Красноперов. Статистические материалы Пермской губернии. Вознесенская волость, Оханского уезда Пермской губернии. Пермь. Пермское губ. земство, 1893». Взял ли Ленин цифры именно из нее? С. И. Щеголева выписала книжку из фондов Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Перевернута одна страница, вторая. Но что это? Подчеркивания, пометки, еще. Очень знакомые. Неужели?! Вот это удача! Оказалось, что, проверяя свою гипотезу, пытаясь датировать документ Ленина, исследовательница выписала ту самую брошюру, на полях которой Ленин в свое время сделал пометки, откуда взял выписки. Скорее всего, Владимир Ильич пользовался этими сведениями, работая над своей первой крупной легальной книгой — «Развитие капитализма в России».

Можно утверждать, что выписка сделана в конце 90-х годов, точнее — в 1897 году, в один из трех дней пребывания Владимира Ильича в Москве по пути в сибирскую ссылку. Большую часть времени Ленин провел тогда в библиотеке Румянцевского музея, книжный фонд которой вошел ныне в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Так уточнение даты ленинского документа привело к находке еще одного, нового!

Иные в таких случаях говорят: «Повезло». Специалисты придерживаются другой точки зрения: «Закономерно,— потому что исследователь «широко шел».

ЛЮДИ ЮВЕЛИРНОГО ТРУДА

Исследователю эти люди неведомы. Но если он внимательно присмотрится к каждому листку дела, которое лежит перед ним, то поймет, что пользуется плодами неимоверно скрупулезного, воистину ювелирного труда неизвестных ему реставраторов.

Вот один пример. Исследователям понадобилось просмотреть книгу с пометками Ленина. Казалось бы просто: возьмите специальный бланк-требование, укажите, что вам нужно, и получите микрофильм или фотокопию. И тут выясняется: нужная книга, оказывается, поступила в архив после того, как перебывала в десятках рук. Она была расшита на отдельные тетрадки, мокла в воде, края страниц рваные, на одних следы плесени, на других — черные, бурые, красные пятна, а кое-где бархатистый налет — споры грибков. Особенно пострадал текст ленинских пометок. Простым глазом только кое-где можно различить слабые штрихи синего карандаша... Но вот «Промыслы Владимирской губернии» (об этой книге идет речь) прошли реставрацию, и на оригинале и на фотокопии вы не увидите следов плесени, а текст ленинских пометок настолько четок, словно они сделаны только вчера...

Кто они, эти волшебники?

Еще в коридоре ощущаешь спе-

цифический запах химической лаборатории. Да, это действительно лаборатория — консервации и реставрации документов. Здесь трудятся бок о бок инженер-бумажник и микробиолог и, конечно, лаборант-химик. Лампы дневного света озаряют небольшую комнату, лица неторопливых женщин в белоснежных халатах. Все как в операционной. И так же, как хирург, сотрудник лаборатории не имеет права ошибаться.

...На столе перед старшим реставратором Надеждой Федоровной Анисимовой — хрупкая, расслаивающаяся бумага почти коричневого цвета. Чернила разлагаются — они с «больным» зеленым оттенком. Некоторые письма распались на отдельные частицы. Прикоснись к таким не то что пальцем, но и пинцетом, влажным тампоном, кистью — и все погубишь!

Письма попадают в «переделку». Сначала на одну сторону накладывают крайне осторожно, буквально воздушным, неимоверно точным движением прозрачную конденсаторную бумагу. Теперь письмо не рассыплется. Но вторая сторона остается беззащитной. Ее покрывают прозрачным слоем специальной бумаги. При этом документ лечат, консервируют, омолаживают.

Бывает, что в руки реставратора попадает ленинский документ, который кто-то хотел сохранить. Хотел и чуть не погубил. Наклеил бумажные полоски. Наклеил хлебным, казеиновым клеем, а то и силикатным, который является самым страшным врагом бумаги! Так было, например, с удостоверением на имя В. Н. Шилова, подписанным В. И. Лениным. Видно, случилась беда. То ли кто-то рванул документ, то ли он поистерся, но факт остается фактом, удостоверение рассыпалось на восемь полосок. Их не только с обратной стороны наклеили на грубую ткань, но и с «лица» скрепили бумажными полосками, смазанными канцелярским клеем. А это тоже один из страшнейших врагов бумаги. Как же удалось снять все эти наслоения? Документ побывал в «парной» и освободился от тканевой шубы. Освободился потому, что ткань держалась на хлебном клею.

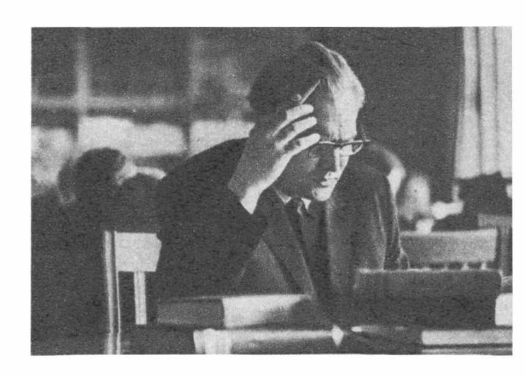
Но как быть с жидким стеклом, которым смазали бумажные полоски? Тут поможет обыкновенная бормашина, та самая, которой мы иногда побаиваемся. Ювелирным движением, по буковке, реставраторы срезают клочки бумаги с литерами. Потом быстро вращающимся бором убирают с этой крохотули кристаллики клея. Затем накладывают «очищенную» литеру на слой специальной реставрационной бумаги. И так с миллиметровой точностью прорабатывается весь документ.

Именно таким образом было восстановлено удостоверение В. Н. Шилова. Представляете, сколько для этого понадобилось времени! Нелегкий труд был вознагражден сторицей. Реставраторам удалось открыть именно тот текст, который позволил узнать, как выполнялось одно из важных поручений В. И. Ленина.

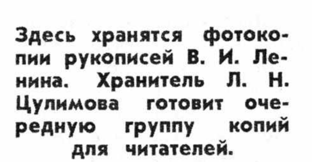
Владимир Ильич писал разными чернилами, карандашами, на различной бумаге. Не одинакова она и в книгах, где есть его пометки. Графит быстро сдувается, «уходит». И диву даешься, сколько способов для их скрепления имеют

В Центральный партийный архив поступил новый ленинский документ. Его принес москвич С. А. Миронычев. С ним беседует научный сотрудник архива М. С. Емельченкова. Нужно не только сохранить документ, но изучить его историю.

Со всех концов земного шара приходят в Центральный музей В. И. Ленина люди, чтобы узнать о жизни и деятельности Владимира Ильича. Каждая такая встреча очень ответственна. К ним тщательно надо готовиться. За этим и пришел в читальный зал ЦПА ИМЛ Николай Степанович Селезнев, лектор Центрального музея В. И. Ленина.

Здесь хранятся фотокопии рукописей В. И. Ленина. Хранитель Л. Н. Цулимова готовит очередную группу копий для читателей.

Фото Л. Бородулина.

реставраторы! Тут применяют десятки «наполнителей» бумаги, которые помогают спасти саму основу документа. Да так, что при всем желании вы никаких следов реставрации не обнаружите.

СПАСЕННЫЕ НЕВИДИМКИ

Передо мной фотокопии страниц двух томов «Историко-статистического обзора промышленности России». Находка их тоже весьма интересна. «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич начал писать, находясь в петербургском Доме предварительного заключения. О своих планах по этому поводу он извещал близкую знакомую—А. К. Чеботареву в письме от 2 января 1896 года: «Книг нужно много... так что доставанье их потребует порядочных хлопот. Не знаю даже, удастся ли достать все. Можно, наверное, рассчитывать на библиотеку Вольно-экономического общества...»

На эти строки и обратил внимание в Ленинграде кандидат технических наук А. М. Бахрах. Он знал, что в книжный фонд Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в свое время были переданы книги из библиотеки Вольно-экономического общества. Нет ли среди них именно тех, которые изучал, находясь в тюрьме, и использовал для своей монографии Владимир Ильич? Какие это могут быть книги? Помог анализ первых глав «Развития капитализма в России». Среди прочих источников там есть ссылка и на тома «Обзора».

Итак, ухватившись за эту нить, А. М. Бахрах смог отыскать именно те два тома, которыми пользовался Владимир Ильич. Но на множестве страниц он увидел только следы ленинских пометок. Возвращая книги, Владимир Ильич сам же стер пометки резинкой. Некоторые с трудом удалось прочесть при помощи микроскопа. Как быть? Помогло содружество архивистов и ученых. Открытый профессором П. Н. Тихоновым и его группой новый метод прочтения выцветших и «угасших» текстов позволил «поднять» все без исключения пометки Владимира Ильича на полях «Обзора».

В реставрационной лаборатории Центрального партийного архива используются открытия в области высокомолекулярной химии, биологии, химии красителей, антибиотиков, бумажного производства, техники архивного дела и т. д. И тут немалая заслуга члена-корреспондента АН СССР Н. И. Никитина, докторов химических наук З. А. Роговина и С. А. Зайцева, начальника Научно-исследовательской лаборатории ГАУ СССР П. Я. Мезина, кандидата химических наук И. М. Фридман. Во всем, сделанном ими, есть одно общее: все открытые способы обработки и консервации документов обратимы. Это значит: откроет наука еще более совершенные способы реставрации, и следы предыдущей обработки можно будет легко удалить, не повредив ни на йоту самого документа.

ГЛАВНЫЙ ЭТАЖ

Когда речь идет о выявлении и обработке ленинских документов, имеются в виду подлинники. А когда заходит речь об исследовании, всегда фигурируют или фотокопии, или микрофильмы. Это правило одинаково и для научных сотрудников самого архива и для тех исследователей, что приходят в читальный зал. В Центральном партийном архиве могут изготовить не только фото, но и электростатические копии документов. Если подобрать точно такую же бумагу, на которой написан оригинал, вы получите вскоре копию, которую только эксперты отличат от оригинала. Благодаря этому методу стало возможным выставлять во множестве музеев В. И. Ленина точные воспроизведения страниц его работ.

Никто не получает подлинников — они уложены навечно в специальное хранилище. Только раз в пять лет их просматривают для профилактики, чтобы справиться «о здоровье» каждой странички ленинского текста.

С 1947 года сюда с помощью одной из первых в СССР кондиционных установок подается воздух строго определенной влажности, температуры. Под потолком хранилища-сейфа — светильники со специальными фильтрами, поглощающими ультрафиолетовые лучи. Свет зажигается только тогда, когда тут кто-нибудь работает. Чаще всего сюда приходят для того, чтобы проверить, как «чувствуют» себя документы, или чтобы уложить навечно новый ленинский автограф. Недавно сюда поместили несколько десятков страниц рукописи известной ленинской работы, которые нашли в чемодане, чудом уцелевшем во время одной из бомбежек Москвы осенью 1941 года в мастерской художника М. Г. Ранкова. Это — одно из последних поступлений.

А какой ленинский документ в фонде помечен первым номером? В комиссию, разрабатывавшую условия сохранения ленинских документов, входил профессор М. В. Фармаковский. Он родной брат друга детства Владимира Ильича Бориса Владимировича Фармаковского. Именно Борису отослал в свое время 12-летний Володя Ульянов «письмо тотемами», рисованное на березовой коре. С него и начинается счет документов фонда № 2 — документов В. И. Ленина.

Комната-сейф — главный этаж архива. Здесь хранятся ленинские документы.

Начальник Полярного управления гражданской авиации
М. И. ШЕВЕЛЕВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

КРЫЛЬЯ НАД ПОЛЮСОМ

В кабинете начальника Полярного управления гражданской авиации, Героя Советского Союза Марка Ивановича Шевелева висит карта Арктики. Ее бескрайние просторы пересекают пассажирские и грузовые авиалинии, связывая города и поселки с Большой землей. На Северном полюсе красными флажками отмечены дрейфующие научные станции. Быстрому освоению этого сурового и богатого края помогала и помогает полярная авиация. Марк Иванович — участник первых авиационных экспедиций в Арктику. Вот что он рассказал нашему корреспонденту А. Голикову.

— Принято считать, что полярная авиация зародилась в 1929 году, в первом году первой пятилетки. Партия и правительство в планах подъема экономики страны значительное место отводили быстрому освоению ее северных районов. Для этого в Карское море были направлены 26 пароходов и ледокол «Красин». 8 августа 1929 года на остров Вайгач прибыл гидросамолет «Комсеверопуть-1». Его командир Борис Григорьевич Чухновский еще в 1924 году впервые вылетел на ледовую разведку.

Не сразу моряки признали необходимость авиаразведки, но полеты оказались настолько успешными, что сегодня ни один корабль не войдет во льды, не получив от самолета карту ледовой обстановки и рекомендованный курс.

Для освоения Севера очень важна была челюскинская эпопея. Как известно, после гибели «Челюскина» более ста человек остались на дрейфующей льдине. И тут сказались мужество и организованность людей, неожиданно оказавшихся на льду: за все время дрейфа — ни одного случая растерянности или паники, никто даже не заболел. Дрейф лагеря челюскинцев во главе с О. Ю. Шмидтом дал бесценный опыт для организации дрейфующих научных станций.

Челюскинцев вывезли на самолетах. Герои-летчики удачно выполнили сложнейшие полеты в самый разгар полярной зимы, чего раньше никто, нигде и никогда не делал. Возможность посадки самолетов на дрейфующие льдины была доказана на практике.

В 1937 году четыре советских самолета впервые в мире совершили посадку на Северном полюсе, высадили научную экспедицию во главе с И. Д. Папаниным. С тех пор советские ученые регулярно ведут работу в центральном полярном бассейне. В этом году наши авиаторы также высадили дрейфующую станцию уже под номером «СП-18».

Размах научных исследований, которые сейчас ведут советские ученые в Арктике и Антарктиде, неизмеримо возрос. Папанинская четверка имела станцию, которая весила всего двенадцать тонн. Современная научная станция весит несколько сот тонн, включая домики, оборудование, топливо, продовольствие и сложную научную аппаратуру. Чтобы доставить такое количество грузов на лед, широко используются самолеты «АН-12». А для них надо готовить аэродромы, оборудованные современными средствами радионавигации. Словом, приходится создавать целые аэропорты на льду.

Для доставки ученых на оперативные точки, откуда поступает научная информация, мы используем вертолеты и самолеты «АН-2». Но так как эти машины не могут преодолеть расстояние в полторы-две тысячи километров, то приходится дополнительно создавать для них на льду промежуточные аэродромы.

Особенно трудные условия встретила авиация в Антарктиде. В глубине континента, на высоте примерно трех с половиной тысяч метров, расположена советская научная станция «Восток». Снег здесь не похож на тот, который мы привыкли видеть у себя дома. Под действием температур, доходящих до 70—80 градусов ниже нуля, он стал похожим на кварцевый песок. Укатке такой снег не поддается и создает столь сильное трение, что на обычных лыжах практически не взлетишь. Потребовалась упорная работа конструкторов, экипажей, инженеров, техников, чтобы приспособить самолеты к столь необычным условиям.

Работа полярной авиации многообразна. По мере того как в Заполярье стала развиваться тяжелая промышленность, масштабы грузовых перевозок неизмеримо выросли. Сейчас такие мощные самолеты, как «АН-12», доставляют десятки и сотни тысяч тонн грузов нефтяникам и газовикам северной части Тюменской области и полуострова Таймыр, людям, добывающим алмазы в Якутии, золото на Чукотке, олово на Яне. Возим много фруктов, овощей. А давно ли для жителей Севера апельсин был деликатесом!

Трансарктическая трасса Москва — Тикси — Анадырь дает возможность человеку из самого дальнего угла Арктики в тот же день попасть в Москву. Население Заполярья уже давно не чувствует себя оторванным от Большой земли. И теперь иногда услышишь, как жители глухого села на Чукотке сетуют: «У нас хорошее воздушное сообщение с Москвой: вылетишь утром, а уже вечером прибудешь в столицу. Да вот беда: фильмы к нам иногда доставляют только через два-три месяца после того, как они прошли в Москве». Вот какова ныне стала мера требовательности жителей глухих северных сел.

Кануло в прошлое время, когда жизнь людей на Севере измерялась от парохода до парохода, который прибывал только раз в год. Теперь здесь иное представление о времени. Самолет «ИЛ-18» летает на далекую Чукотку по нескольку раз в день.

В условиях Севера авиация и жизнь — синонимы. Какой бы вопрос ни решался на бюро райкома партии или в райисполкоме — непременный участник заседания командир авиационного подразделения.

Доставка учебников в школы, сбор врачей на районную конференцию, посылка зоотехников в стада оленеводческого совхоза — все это без авиации невозможно. Она же привозит членов райкома на пленум и развозит их обратно по своим поселкам.

Полеты в суровых условиях породили у полярных авиаторов традиции, которые переходят из поколения в поколение. Пожалуй, главная из них — постоянная готовность прийти на помощь товарищам, на помощь всем, кто попал в беду. Так было во время челюскинской эпопеи, так было и потом, скажем, когда экипаж В. Перова спас четырех бельгийских исследователей, потерпевших аварию в Антарктиде. Эти традиции сохраняет молодежь.

Чтобы спасти человека, которому угрожает опасность, летчикам порою приходится идти на большой риск. Осенью 1968 года гидрографическое судно «Иней» выбросило на камни. Экипажи вертолетов в сильный шторм шли несколько сот километров над чистой водою. Волны перекатывались через корабль. Жестокие порывы ветра бросали вертолеты, угрожая разбить их о скалы. Летчики делали один заход за другим, пока не вывезли весь экипаж — тридцать три человека — в безопасное место. Пилоты Ю. Добротворцев, А. Киселев, В. Большаков и их экипажи награждены правительственными наградами... Словом, у авиаторов-полярников есть неписаный закон — помогать всем, кто попал в беду.

Полярная авиация получает новые, совершенные самолеты. А это значит, что и темпы освоения, развития Заполярья будут возрастать.

Бортрадист вертолета «МИ-4» Николай Рагозин впервые участвует в высокоширотной экспедиции «Север-69».

Полярники разгружают прибывший с материка самолет.

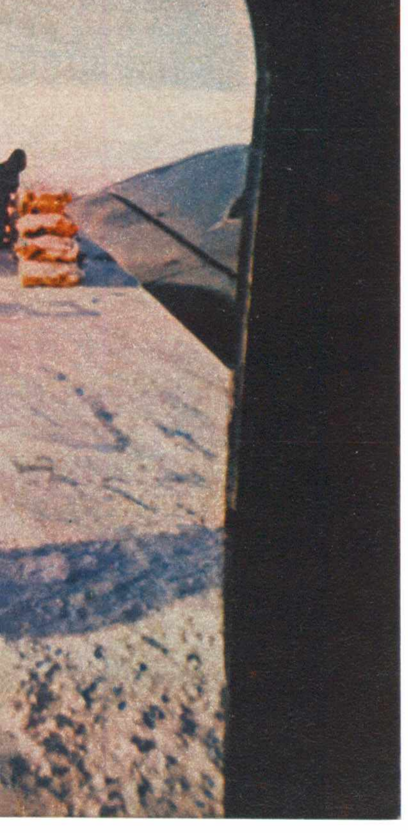
Скоро утреннюю тишину нарушит рев моторов, и отважные вертолетчики начнут свой обычный трудовой день.

Ежедневно летчики полярной авиации
жеморожен

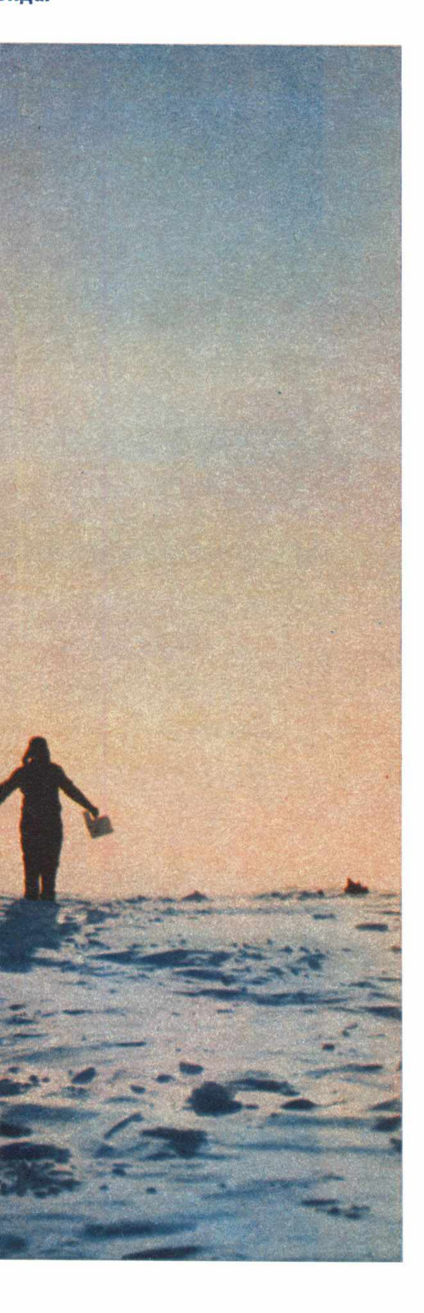
Аэрологи дрейфующей станции «Се
радиоз

перевозят по нескольку тонн све-
ой рыбы.

верный полюс-16» готовят запуск
онда.

Евгений Смирнов — авиатехник самолета «АН-2».

Самолет «АН-2» прибыл в полярный поселок.

«Северный полюс-16». Фотография на память.

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЦЫГАН

* * *

По табунной степи еще долго потом катилось эхо этой русско-цыганской свадьбы.

По личному распоряжению генерала сыграть ее решили за счет конезавода. И ключи от одного из новых кирпичных домов, построенных на краю поселка, должны были вручать молодым прямо на свадьбе. За вином же Михаил Солдатов, жених, сам съездил на своем самосвале с письмом от генерала к его бывшему адъютанту, а ныне председателю колхоза, на правый берег Дона.

Секретарша совсем уже отказалась пропустить Михаила в кабинет к председателю, пока там заседало правление колхоза, но, после того как Михаил все же настоял, чтобы она передала ему письмо, председатель сам его вызвал.

Прервав заседание правления колхоза, он с плохо скрываемым удовольствием прочел письмо членам правления вслух и присовокупил:

— Вот ведь как бывает. На фронте я ему, случалось, и постель стелил и даже сапоги иногда чистил, а теперь мы с ним на равных. Еще неизвестно, что легче — дивизией командовать или колхозом руководить.— И, обводя членов правления взглядом, он остановился на одном из них, женщине: — Например, лично тебя, Пухлякова, мы тут уже битых три часа всей коллегией уговариваем, а ты как заняла круговую оборону, так и ни с места.

— Меня, Тимофей Ильич, и не нужно уговаривать.

— Но и с решением этого проклятого куриного вопроса мы тоже больше не можем тянуть. Золотые получаются яички, скоро эти леггорны нам весь колхоз съедят.— И, переводя сердитый взгляд на терпеливо дожидавшегося его ответа Михаила Солдатова, он неожиданно заключил: — За гвардейский привет передай генералу тоже мою гвардейскую благодарность, но скажи, что за вином ему раньше надо было присылать. За зиму и за весну мы его все какое проторговали, а какое с гостями попили по случаю нашего близкого месторасположения к райцентру и регулярного приезда иностранных делегаций в наш колхоз. Если бы я знал, я бы у нас потихоньку всю виноградную лозу под топор пустил, потому что эта драгоценная культура скоро нас тоже по миру пустит. Так Михаилу Федоровичу и передай. Конечно, жаль мне тебя, парень, обратно порожняком отправлять, но что же делать...— Вставая из-за стола, он развел руками: — Езжай.

Но Михаил Солдатов наотрез объявил:

— Покуда вы не наложите резолюцию о продаже вина, никуда я из этой комнаты не уйду!

Председатель возмутился:

— То есть как это не уйдешь?! Вон ты какой! Ты что же, хочешь нам из-за двух бочек вина заседание правления сорвать?

Михаил Солдатов взмолился:

— От этих двух бочек, может, у человека вся будущая жизнь зависит.

Председатель иронически осведомился:

— У какого такого человека? Ты нам тут, парень, демагогию не разводи. Езжай себе подобру-поздорову.

Не мог же Михаил принародно признаться, что не чья-нибудь, а его собственная будущая жизнь зависит, может быть, от этих двух бочек виноградного вина.

— Если я порожняком вернусь, меня наш генерал, как за невыполнение приказа, может совсем от машины отстранить.

Председатель колхоза неожиданно улыбнулся. Этот довод показался ему убедительным. Крутость характера бывшего командира казачьей дивизии была ему хорошо известна.

— И отстранит. За невыполнение приказа он и раньше не умел по головке гладить. А ты как же хотел, чтобы он тебя за холостой пробег машины именными часами наградил? До вашего конезавода сколько отсюда километров?

— Пятьсот.

— И обратно пятьсот. Не говоря уже о затрате времени в горячую пору года, это сколько бы ты дефицитного горючего сжег!.. Ты, Пухлякова, что?

— Ничего, Тимофей Ильич.

— Жаль мне тебя, парень, и, если бы я твоего начальника лично не знал, так бы и уехал ты от меня не солоно хлебавши. Но двух бочек вина я тебе все равно не дам. У нас у самих осталось всего десять бочек, но это железный энзе. На случай какой-нибудь дегустации или же межрайонного семинара. Хватит вам для вашей свадьбы и одной бочки.— И, склоняясь над столом, он прямо на письме генерала, с угла на угол, размашисто наложил резолюцию красным карандашом. Но прежде чем вернуть Михаилу Солдатову письмо, он еще раз перечитал его, частью про себя, а частью вслух, покачивая головой и недоверчиво усмехаясь: — Это какую же вы там передовую цыганочку замуж выдаете? Значит, у вас там еще и передовые цыгане есть?

— Есть,— не отрывая глаз от письма с резолюцией, ответил Михаил.

— Не все разбежались?.. Нет, ты, Пухлякова, еще не спеши уходить. Сейчас я этого орла отпущу, и мы с тобой закончим... Бери,— сказал он, вручая наконец Михаилу желанное письмо.— Сперва зайдешь в бухгалтерию, это прямо тут,— он постучал костяшками пальцев по стене,— оплатишь и оттуда уже на винцех.— Но и после этого, уже отдав Михаилу письмо, он все-таки придержал его за уголок: — А бракованная пара-другая лошадей у вас для нас найдется, если мы нагрянем к вам на конезавод?

В руке у Михаила Солдатова пока был только один уголок письма с резолюцией, а другой все еще оставался в пальцах у председателя, и надо было поскорее завладеть им целиком.

— Найдется,— твердо заверил Михаил.

— Ну, езжай. Да смотри не вздумай по дороге с вина пробу снимать, а то вместо свадьбы прямо в милицию попадешь.— И все-таки он не удержался, чтобы еще раз не окликнуть Михаила, когда тот уже взялся за ручку двери: — А генерал, значит, у вас строгий?

— Строгий,— полуоборачиваясь, подтвердил Михаил.

— И вы его очень боитесь?

Теперь драгоценная бумажка была крепко зажата в руке у Михаила и он согласен был отвечать все что угодно, лишь бы сделать приятное этому человеку.

— Очень.

И Михаил закрыл за собой дверь.

Глядя ему вслед, председатель от души смеялся. Вдруг улыбка сразу погасла у него на лице.

— А в нашем колхозе каждый, кто захочет, может без стука вломиться в кабинет к председателю в любое время дня и ночи. И все могут трясти его прямо за грудки, кому не лень. Каждый сам себе генерал. Де-мо-кра-тия. Я тебе, Пухлякова, по-русски говорю, что, кроме тебя, нам больше некого на птичник поставить. Или же мне самому надо замыкать правление и переходить туда высиживать цыплят.

— Хорошо, Тимофей Ильич, я согласна.

Председателю показалось, что он ослышался, и он с недоумением уставился на нее из-за стола.

— Что-то я тебя, Клавдия Петровна, сегодня никак не могу понять. А только что ты здесь наотрез отказывалась. У тебя как будто сегодня и голоса совсем нет. Скажи, пожалуйста, громче. Ты что же, передумала за это время?

— Передумала, Тимофей Ильич.

— Вот и пойми после этого вашу женскую породу. Но вообще-то я очень рад.— И председатель даже из-за стола вышел.— Вот и давно бы так. Если бы ты, Клавдия Петровна, и всегда была такая. Теперь я насчет яйценоскости и воровства кормового зерна могу быть вполне спокоен.— Рассуждая вслух, он расхаживал посреди своего кабинета между рядами стоявших у стен стульев, на которых сидели члены правления колхоза.— И если, Клавдия Петровна, тебе что-нибудь нужно будет для птичника,

Продолжение. См. «Огонек» № 24.

ты заходи ко мне прямо без стука, в любое время дня и ночи. Не стесняйся. Нюру я тебе разрешаю в помощницы взять, я знаю, ты там семейственность не разведешь. А на заочную сессию в институт мы ее будем с сохранением содержания отпускать.— Он вдруг остановился:— Что же ты, Клавдия Петровна, плачешь? Вот и пойми после этого тебя. Никто же тебя без твоего добровольного согласия не может заставить на эту должность пойти, ты не плачь...

— Я, Тимофей Ильич, согласна.

— Да будь он неладен, этот проклятый птичник, чтобы из-за него колхозу такими слезами рыдать! Чем из-за него колхозу убытки терпеть, лучше я его самолично запалю. И рядом с виноградниками нам его никак нельзя держать. Они же на кустах не только ягоду, но и молодые листочки клюют. Если ты, Клава, не согласна...

— Я, Тимофей Ильич, теперь на все согласна.

А залитое слезами лицо ее говорило совсем другое. Председатель колхоза Тимофей Ильич совсем растерялся. Его и вообще всегда выводили из равновесия женские слезы. И почему эти женщины плачут так, что рвут душу...

* * *

Возвращаясь на конезавод и спрямляя путь по степи, Михаил поехал через отделение, где пас свой табун Будулай. Свернув на луговое бездорожье к табуну, поравнялся с Будулаем и, затормозив, высунул из оконца кабины свой пшеничный чуб.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

Будулай хотел спешиться, но Михаил опередил его словами:

— Я сразу же и еду.— И, вскользь окидывая взглядом ссутулившегося в седле Будулая, холодно пояснил:— У меня две просьбы. На свадьбе без посаженого отца никак нельзя, а у Насти, кроме тебя, других родичей нет.— Будулай хотел ответить ему, но Михаил нетерпеливо колыхнул чубом:— Это не я прошу. Я только передаю... А теперь и я. Но только не прошу. На свадьбе ты, как ее родственник, можешь побыть. Но после свадьбы тебе сразу же придется уехать отсюда.

Сверху вниз, с седла, Будулай тихо уронил:

— Куда?

— Этого я не знаю.

Еще тише Будулай спросил:

— А если я не уеду?

— Мне Настя все рассказала.

— Ничего она тебе не могла рассказать, потому что ничего и...

Михаил резко мотнул чубом:

— А мне и до лампочки знать, что там между вами могло быть. Это не мое дело. Но если ты не уедешь...— И Будулай увидел, как пальцы на руке у Михаила, продетые сквозь оконце кабины, побелели, вдавливаясь с наружной стороны в листовую обшивку дверцы.

Под Будулаем конь переступил ногами.

— Тогда что?

Михаил Солдатов здоровый был, сильный парень. Когда ему приходилось грузить в свой самосвал большие, называемые чувалами, мешки с зерном, он забрасывал их в кузов так, будто это были пуховые подушки. И рука у него, впечатанная теперь в листовую обшивку дверцы, была почти квадратная, большая. Но он взглянул на руку Будулая, в которой тот держал небольшую конскую плеть, и невольно вспомнил, как Настя рассказывала ему, что до приезда на конезавод этот человек работал где-то в колхозе кузнецом. Однако и не это, а, пожалуй, другое удержало Михаила от тех слов, которые уже готовы были сорваться у него. То, как этот человек посмотрел на него с седла сурово и, как показалось Михаилу, печально.

И, задрожав чубом, Михаил неожиданно для себя закончил:

— Тогда ни тебе, ни нам с Настей не будет здесь жизни.

И он включил скорость.

* * *

Ни клуб, ни какое-либо другое помещение в поселке при конезаводе не смогли бы вместить всех, желающих погулять на этой первой русско-цыганской свадьбе, и наконец кто-то догадался поставить свадебные столы прямо под белолиственными тополями, когда-то посаженными здесь посреди табунной степи еще при старом коннозаводчике Королькове. С тех пор они вымахали такие, что теперь над столами, составленными квадратом в квадрате же тополей, почти сомкнулись их ветви. И только в самом центре, вверху, остался не закрытый листвой колодец, в который заглядывал с высоты колосистый месяц.

Обычно посаженые отцы на свадьбах в белых рубашках и при галстуках сидят, но это же была русско-цыганская свадьба, и Будулай в красной рубашке, подаренной ему Шелоро, занимал за столом, поблизости от молодых, положенное ему место.

Посаженому отцу на свадьбе полагалось знать многое: и не только на каком ему месте сидеть, но и когда надо встать, и как выйти из-за стола, чтобы встретить жениховy родню, как при этом поклониться и что сказать, и Будулай ни за что бы не справиться было со всеми этими обязанностями, если бы не его соседка по столу и посаженая мать, которой Настя взяла себе свою квартирную хозяйку Макарьевну.

Вот когда развернулась старуха. Уж она-то знала все, что надо было, до мельчайших подробностей, и теперь явилась взорам во всем блеске своей многоопытности и сознания важности возложенной на нее задачи. Будулаю оставалось только не спускать с нее глаз и придерживаться ее указаний.

Еще не окончательно перевелись такие никем не заменимые старухи. Они и при совершении великого таинства появления новой жизни тут как тут. И на страже соблюдения всех тех обычаев и обряда, без которых и свадьба не может быть свадьбой. И, быть может, особенно незаменимы у изголовья разлуки всех разлук. Все родные будут в беспамятстве лежать, а они и воды согреют, чтобы смыть с мертвого последний прах земли, и оденут его в то, во что только и можно одевать, снаряжая человека в последний путь. И будет счастлив тот, при ком в минуту этой разлуки всех разлук окажется такая старуха...

Но теперь была свадьба, и вожжи от нее находились в руках у Макарьевны, соседки Будулая по столу.

Это была ее стихия, и никому бы не смогло прийти в голову покуситься на ее авторитет в этой области, в которой ей здесь не было сколько-нибудь равных. Даже сам начальник конезавода, генерал, явившийся на свадьбу при всех своих орденах, не посмел ослушаться, когда она указала ему отведенное место на другом конце стола, напротив жениха и невесты. В то время, как ей самой положено было находиться при женихе и невесте на этом конце, безотлучно. Тут она была генералом. Все неукоснительно повиновались ее указаниям, и все, что ни происходило на свадьбе, исходило от нее и сходилось к ней, как к магниту. Официантки из поселкового ресторана по одному шевелению ее бровей понимали, когда им нужно разносить по столам лапшу с курицей, а когда шашлык, и на какой стол добавить графинов с виноградным вином, а на какой бутылок с армянским коньяком и со «Столичной».

И не только доморощенные поселковые баянисты, но и цыгане со своими гитарами начинали играть или же умолкали только по ее команде. Специальные курьеры, назначенные комитетом комсомола, то и дело подбегали к ней и разбегались от нее во все концы во всеоружии ее самоновейших инструкций.

На больший почет в ее годы она и рассчитывать не могла. И тот же цыган Будулай, ее свадебный дружок, теперь, вблизи, показался ей совсем не таким, как прежде. Несмотря на свою аспидную бородку.

Весь вечер он просидел с нею рядом за столом вежливо и культурно, ни разу не назвал ее «бабка» или «старуха», а только «Дарья Макарьевна», не спешил, как иные, напиваться и не тянулся к каждому губами. Вскоре она уже настолько с ним освоилась, что между ними, пока остальные шумели молодым «горько», звенели бокалами и играли песни, завязалась застольная беседа.

— За такую свадьбу потом и вспомнить будет не стыдно,—сказала она ему, оглянув щедро убранные столы взглядом хозяйки.

Он охотно согласился:

— Хорошая свадьба.

Но ей захотелось, чтобы он оценил все в подробностях:

— За одну только водку с вином плачено больше трехсот, не считая продуктов из кладовой. Генерал приказал ничего не жалеть. А по его виду никак не подумаешь, что он такой.— И она нашла взглядом начальника конезавода, пылавшего своими орденами на противоположном конце стола под фонарем:— Сурьезный.

— Да,— и на этот раз согласился ее сосед.

Столы и в самом деле ломились. Конезавод распахнул для первой в здешних местах такой свадьбы двери своих птичников, кладовых и погребов. Но и не только это: вскоре молодые — Настя и Михаил Солдатов — уже почти спрятались за отрезами, коробками с обувью, выкладываемыми перед ними на стол от имени парткома, месткома и комитета комсомола, от жениховой родни и от Настиных подружек. А от лица всех цыган самый старый из них, с седой бородой, но с еще дегтярно-черными усами и бровями, поднес Насте и ее нареченному в раскрытых коробочках, на лиловых бархатных подушках серьги и часы. Малаша Пустошкина, сидевшая рядом со своим Васей, так и ахнула на всю площадь:

— Батюшки! Золотые!!

Но особенно долго вспоминалось потом гостям, что им давно уже не приходилось гулять на такой веселой свадьбе. За исключением, правда, самого конца ее, когда Николаю Петровичу, старому учителю-пенсионеру, вздумалось вдруг заиграть под баян совсем не свадебную песню. Но и это уже ничего не могло испортить, а лишь как бы влило в общее веселье каплю необходимой грусти.

И тон этому веселью задавал не кто-нибудь иной, а сама невеста. Вопреки общепринятому правилу, что на своей свадьбе невесте полагается быть самой скромной, смиренной.

При взгляде на поющую, хохочущую и даже пьющую не меньше других Настю совсем нетрудно было убедиться, что правило это, как и многие другие, уже безнадежно устарело. Ее и прежде нельзя было заподозрить в чрезмерной смиренности, а сейчас только и услышать можно было, как она то требует от баянистов, чтобы они все сразу заиграли «По Дону гуляет», то вдруг засмеется так, что, кажется, вот-вот в горле у нее что-то порвется, то, ничуть не смущаясь, громко подхватывает недвусмысленные намеки:

— А может, их у нас с Михаилом и вся дюжина будет?! — И, поворачиваясь к своему жениху, огорошивает его, вгоняя в густую краску: — Правда, Миша?

— Вот и давно бы так,— наблюдая за Настей, говорила ее посаженая мать Макарьевна своему соседу, посаженому отцу Будулаю.— А то до этого почитай с самой осени, как вернется вечером с работы, упадет лицом в подушку и лежит. А он до полночи без всякой пользы слоняется под ее окнами, дожидает.

И все сходились на том, что с такой женой Михаилу Солдатову скучать не придется.

...За исключением самого Михаила. Не нравилось ему это Настино веселье. Но искоса, сбоку, взглядывая на нее, может быть, самое тревожное улавливал Михаил в том, что за весь вечер его невеста так ни разу и не посмотрела в сторону своего посаженого отца Будулая, хотя он и сидел от нее совсем близко. Как если бы там было пустое место. И Михаил видел, что Будулай

отвечает ей тем же. Но это-то и связывало их друг с другом невидимой нитью. За все время они не обменялись ни единым взглядом. Как сговорились. И тем не менее Михаил не сомневался, что все это время они видели и ни на минуту не упускали из поля зрения друг друга. И Настя, когда она вдруг начинала хохотать или же хлопать в ладоши, не теряла из виду его красную рубашку, в которой он пришел на свадьбу. И Будулай, конечно, не мог не слышать, как у нее в горле все время трепещет какой-то клубок или натягивается струна, когда она начинает громко, через весь стол сама заказывать музыку, чтобы через минуту самой же и отменить на полуслове песню, которую по ее приказанию запоет было под гитару своим рыдающим голосом главный певчий из клубного хорового кружка, молодой цыган: «Ай да зазнобила ты ж мою головушку».

— Нет, Митя, эта скучная, давай другую.— И сама же первая начнет прихлопывать в ладоши: — «Дайбогану очая...» — что совсем уже не пристало невесте.

Но все другие гости были довольны. Цыгане думали, что, значит, все это обязательно на русской свадьбе и Настя, умница, не хочет ударить в грязь лицом. А русские и все остальные склонны были отнести это за счет того, что она цыганка. Такой у них обычай. И все громко хвалили Настю:

— Ай да, Настя!

— Вот это невеста!

— Молодец, Настя!

И Михаил все больше мрачнел, совсем не дотрагиваясь до поставленных перед ним на столе и налитых до краев стопок и ф у ж е р о в, хотя в иное время никто из присутствующих не стал бы упрекать его в чрезмерной трезвенности, о чем, кстати, свидетельствовал и п р о к о л, сделанный автоинспектором на его шоферском талоне незадолго до свадьбы.

Ему бы надо было радоваться, что наконец-то исполняется то его желание, с которым он так и не смог справиться с того дня — два года назад,— когда первый раз познакомился на танцах в клубе с Настей, но это была какая-то не такая радость.

— Тебе, Миша, сейчас лучше выпить,— грустно советовал ему, наклоняясь из-за его спины, все понимающий дружок и такой же водитель самосвала Федор Касаткин.

Уж ему ли было не знать, что в другое время Михаилу Солдатову не надо было бы об этом напоминать, и Федор не мог не догадываться, какие сейчас когти впиваются в сердце его лучшего друга. Сам-то Федор Касаткин, конечно, не мог теперь отказать себе в удовольствии от души выпить на вполне законном основании и тем более на свадьбе у друга, но уж лучше бы ее и вовсе не было, этой свадьбы. А погулять в конце концов ничуть не хуже можно и на свои трудовые, конечно, в послерабочее время.

Ему, Федору, и тогда все это не понравилось, когда Михаил еще только настраивался на эту Настю. Он и тогда советовал другу отступиться от нее, пока не поздно. Ничего хорошего из этого не должно было получиться. И разве он не говорил Михаилу, что ей бы еще только из ноздрей пламя. Вот и теперь невесте полагается только сидеть на своей свадьбе рядышком с женихом и ожидать, когда он по всеобщему требованию поцелует ее, а она и разговаривает, и смеется громче всех, и пьет наравне с гостями — рюмка за рюмкой,— и даже уходит из-за стола, бросая жениха одного, как сироту, чтобы потанцевать под радиолу в центре свадебных столов с одним, с другим и с третьим. Фата так и вьется у нее за спиной. И потом, когда опять закричат «горько», сама первая спешит к Михаилу и не просто, чтобы поцеловаться с ним ради приличия, а сама же кинет ему руки на плечи да так и вопьется ему в губы, как будто она ему еще не невеста, а уже лет пять или все десять жена. Да и хорошая жена не станет вот так, на виду у всех облизывать своего мужа.

И не успеет от него оторваться — опять за рюмку. От этого и лицо у нее то вдруг займется огнем, то как будто сразу кто выжмет из него все до кровинки.

Но при возгласах «горько» Михаил Солдатов покорно вставал за столом и покорно целовался с невестой, вздрагивая своим пшеничным чубом. С этим пышным, кудрявым чубом, в своем свадебном строгом костюме, с розоватым загаром на бледном лице, он был и прямой противоположностью и ничуть не хуже своей ярко-смуглой невесты, и все любовались н а такую пару.

— Хоть куда пара,— говорила и посаженая невестина мать Макарьевна посаженому отцу Будулаю.— А ведь до самого последнего она не хотела его и на порог пускать. А потом вдруг сама заявилась к нему в гараж белым днем и прямо при всех объявила: «На той неделе сыграем, Михаил, нашу свадьбу!» Сказывают, он от радости совсем ошалел, и она даже засмеялась: «А может, не хочешь?» Куда там, он еще и сейчас в себя не пришел.

Как хозяйка свадьбы, досматривала Макарьевна и за тем, чтобы вовремя восполнялась на столах убыль в бутылках и графинах. Где же еще людям и попить-погулять, как не на свадьбе. Да еще и на русско-цыганской. При этом, конечно, «Столичную» и купленные в городе дорогие вина официантки по ее указанию больше носили на стол, за которым сидели вокруг начальника конезавода особо заслуженные гости, а «Московскую» и разливное виноградное — на столы, занятые более молодыми, которым здоровье позволяло пить все подряд, что перед ними ни поставят.

Откуда же ей было знать, что у разливного виноградного, привезенного Михаилом Солдатовым из колхоза, б у к е т, как об этом немедленно догадались более опытные ценители, был ничуть не хуже, если не лучше, чем у м а р о ч н ы х вин, специально закупленных к свадьбе в фирменных магазинах Ростова и Новочеркасска.

И даже сосед Макарьевны, цыган Будулай, к ее удивлению, предпочитал доливать в свой стакан это простое виноградное вино.

* * *

И вообще все шло, как и положено быть на свадьбе, вплоть до той самой минуты, пока не захмелел и не уронил отяжелевшую голову прямо на стол один из баянистов, Егор, муж Шелоро, и его баяном завладел учитель-пенсионер Николай Петрович.

До этого баян Егора ни разу не нарушил, не выбился из заблаговременно отрепетированного в клубе распорядка, согласно которому поселковые баянисты, з а к р е п л е н н ы е за каждым столом, вступали в игру и все вместе, вчетвером, и каждый по отдельности, и сопровождая старинную казачью песню «Ехали казаки со службы домой», и охотно уступая место цыганам, которые пели свою «Ехали цыгане с ярмарки домой» исключительно только под драмкружковские гитары. И, должно быть, потому так хорошо уживались и чередовались за свадебными столами эти песни, что и та и другая зародились когда-то в степи, в дороге.

После обо всем этом напечатано было в районной газете «Табунные степи» на всю страницу под названием «Наглядное торжество идеи дружбы народов», как и о том, что начальник передового в области конезавода, заслуженный ветеран трех войн, генерал Стрепетов лично вручил счастливым молодым ключи от к о т т е д ж а, построенного за счет государства, и что столы на этой к о м с о м о л ь с к о й свадьбе наглядно свидетельствовали о том изобилии, к которому уже пришли наши славные труженики сельского хозяйства.

Егор Романов ничуть не хуже других нес возложенные на него обязанности свадебного баяниста, ни разу не выскочил вперед и не отстал со своим баяном, когда подходило его время, хотя после первых же стаканов виноградного вина, опустошаемых им в минуты музыкальных пауз, он и начал уже придираться к своему соседу по столу Николаю Петровичу.

— Ты меня судил? — допытывался он у Николая Петровича, по-заячьи приподнимая верхнюю губу с кустиком рыжеватых усов.

Николай Петрович, улыбаясь, миролюбиво отговаривался:

— Тебя, Егор, не лично я, а товарищеский суд судил.

Но Егор после каждого нового стакана, наполняемого из придвинутого им к себе графина, настраивался все более воинственно:

— Нет, ты меня за нарушение Указа оштрафовал, да?!

И вновь Николай Петрович терпеливо поправлял его:

— И не тебя же, Егор, а супругу твою.

Егор мотал головой.

— Это ты брось! Мы все понимаем. И сам же ты нарушил закон, да?! Ты не имел права с меня прямо на суде деньги брать, а?! Ты думаешь, мы, цыгане, не знаем законов? Нет, мы их должны знать очень хорошо. Как ко мне какой крючок, так я ему тут же и... вот.— И, доставая из широкого кармана своих цыганских штанов какую-то серую книжицу, он тыкал ею в лицо Николаю Петровичу.— Я ее завсегда при себе вожу. Тут все и про твой товарищеский суд есть. Но ты меня не по ней судил...

Шелоро, сидевшая рядом с Егором с другой стороны, пыталась придержать его руку своей, когда он опять начинал тянуться к графину с вином.

— Хватит. Сразу наберешься и потом всю свадьбу проспишь. Знаю я тебя.

Егор гневно отбрасывал ее руку.

— Не бойсь!

Все же на какое-то время он укрощался, мужественно оставляя нетронутым свой стакан, наполненный вином, в то время как все другие, звеня бокалами, добросовестно поддерживали все тосты, провозглашаемые за столами и во здравие молодых, и за незамедлительное приумножение их семейства, и во славу конезавода, лучше которого нет и никогда не будет по всей табунной степи.

Но потом внимание присматривающей за своим мужем Шелоро было отвлечено ее соседом справа, Василием Пустошкиным, который потихоньку положил ей на колено руку под столом. И, затаившись в ожидании, что будет дальше, она на какое-то время упустила из поля зрения Егора. А привезенное Михаилом Солдатовым с Дона и теперь до краев налитое в стакан Егора вино так и пылало перед его взором. Было оно как квасок. И, выпрастывая руку из-под ремня баяна, Егор опять начинал тянуться своим стаканом и мокрыми губами к Николаю Петровичу:

— Но все-таки ты справедливый человек, и я желаю с тобой выпить.

А донское виноградное вино только с виду было как квасок. И вскоре Егор так н а б р а л с я этого кваска, что его пальцы вдруг, внезапно так и замерли, одеревенели на клавишах баяна посредине слов цыганской песни:

Ой, загулял, загулял, загулял
Парнишка молодой, молодой,
В красной рубашоночке,
Хорошенький такой...

И сам Егор так и уронил на стол голову, мгновенно засыпая. И уже не услышал он, как его жена, Шелоро, вдруг отчетливо-звонко позвала, прижимая руку соседа Василия Пустошкина у себя на колене своей рукой:

— Малаша!

Жена Василия Пустошкина, сидевшая по правую руку от него, с другой стороны, и безмятежно занятая в этот момент обгладыванием ребрышек молодого поросенка, сердито вздрогнула:

— Ты чего?

— Твой Вася просится сходить с ним в кусты. Сходи-ка ты заместо меня,— невинно сказала Шелоро.

...И уже совсем не чувствовал сморенный сном Егор, как его баяном постепенно завладел его сосед по столу Николай Петрович.

Продолжение следует.

„Мы обязаны наше искусство беречь"

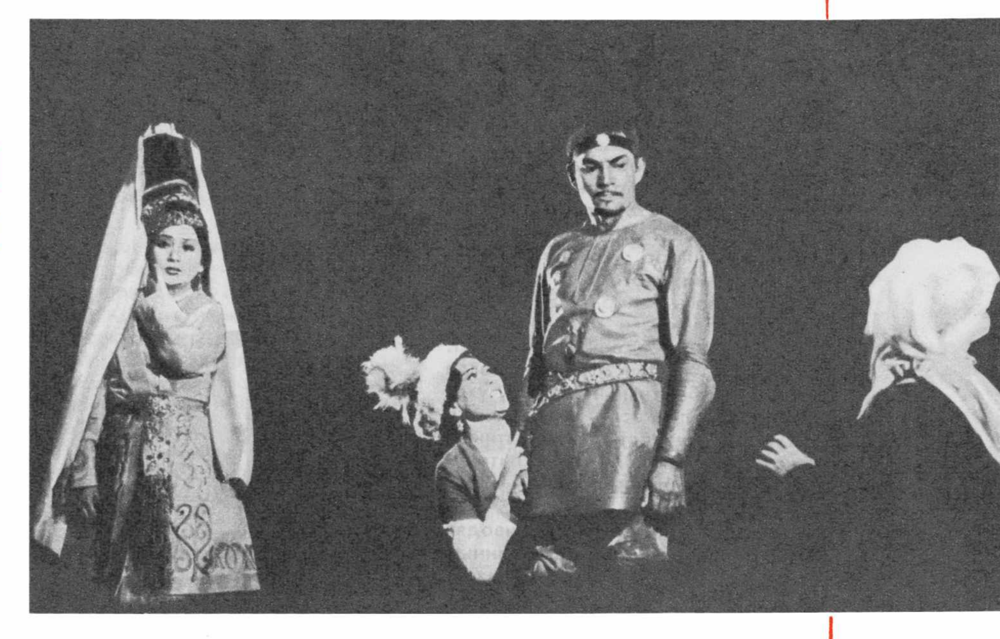
Л. КАФАНОВА

Четыре десятилетия — срок, достаточный для того, чтобы определилось лицо театра, выработались традиции, сложилась крепкая, разнообразная по своим творческим возможностям труппа. Это доказали недавние гастроли в Москве Академического театра драмы имени Мухтара Ауэзова, первого национального казахского театра, открытие которого состоялось 13 января 1926 года.

Сплав реалистических актерских традиций и современной режиссуры, органическое слияние национальных особенностей исполнения с достижениями сегодняшнего передового, прогрессивного театрального искусства, соединение точной мысли с темпераментом и взволнованной эмоциональностью — вот что принесло такой огромный успех этому театру у столичного зрителя.

Уже первый, показанный во время гастролей спектакль, «Кобланды», поразил новизной и смелостью постановочного решения. В основе пьесы Мухтара Ауэзова — древнее сказание о богатыре Кобланды, отважном борце за свободу своего народа. Надо сказать, что народный эпос всегда занимал важное место в репертуаре казахского театра. Годами не сходили со сцены поэтические трагедии «Енлик-Кебек», «Козы Корпеш и Баян-Слу», «Карагоз». Они воспевали благородство и доблесть лучших сынов и дочерей народа, утверждали незыблемость нравственных норм, выработанных человечеством,— мужество, стойкость, искренность, верность в любви и дружбе. Однако в прежние годы часто народный эпос воссоздавался на сцене в некоем условно стилизованном виде. Постановки ошеломляли пышностью декораций, обилием этнографических подробностей, а актеры вели свои роли в несколько приподнятой, отвлеченно-романтической манере. Постановщики «Кобланды» режиссер А. Мамбетов и художник Е. Манке взяли все лучшее, накопленное казахским театром в воплощении эпических трагедий, решительно отбросили все устарелое, и драматическая поэма М. Ауэзова предстала обновленной и волнующей.

Весь строй спектакля призван создать представление не о сказке, а о жизни, о временах суровых и трудных, когда люди бо́льшую часть отпущенного им века проводили в походах, в жестоких схватках с многочисленными врагами. Герои спектакля, оставаясь истинными героями эпоса, людьми недюжинными, наделенными могучими страстями, стали ближе нам своей экспрессивностью, бурным натиском мыслей и чувств. Вот Кобланды в исполнении А. Молдабекова. Как и подобает легендарному батыру, он красив и строен, сказочно силен, непобедим в бою, нежен и доверчив с возлюбленной. Но мы не только любуемся им, мы и сострадаем ему, когда, взятый сонным в плен, он терзается от сознания своего бессилия, от невозможности защитить свой народ от врагов. Мы разделяем его сомнения и тревогу, когда Карлыга — дочь его злейшего врага и сама недавний враг — вдруг помогает Кобланды освободиться из плена и отдает ему свой меч. И вместе с Кобланды мы восхищаемся душевным величием Карлыги, ее самоотверженностью. А сама Карлыга... Артистка Ф. Шарипова играет эту роль, не страшась резких, контрастных красок. Она создает интересный и сложный образ девушки, в которой кочевая жизнь и жестокие нравы не смогли убить душевного благородства. Вот она, словно вихрь, с громким, гортанным смехом влетает на сцену и сразу же затевает бой с мужчинами. В ее осанке и манерах какая-то дикая, строптивая стать, и вся она скорее напоминает своенравного юнца. Но встреча с Кобланды все изменяет в девушке. Ласковыми и покорными становятся ее глаза, голос обретает очарование, и в финале Карлыга является во всей прелести мягкой женственности, готовности к высокой, жертвенной любви.

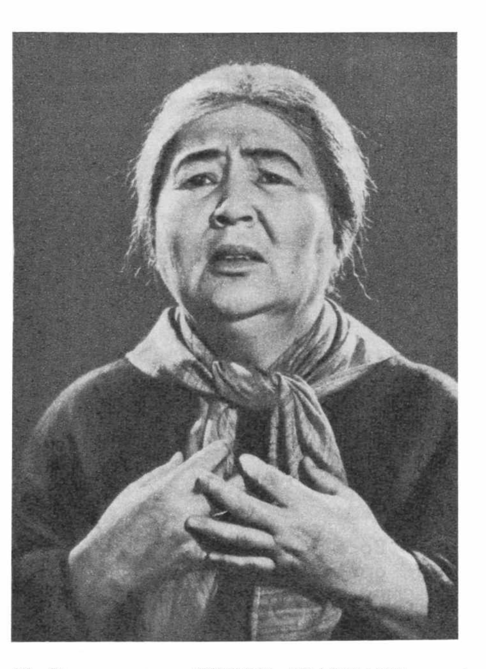
Сцена из спектакля «Кобланды».

«Кобланды» — интересная работа Мамбетова, главного режиссера театра, художника своеобразного, великолепно владеющего своей профессией, прекрасно чувствующего природу театрального искусства. Он строит спектакль свободно, используя все сценическое пространство, смело вводит игру света, музыку, движение, но при этом, что особенно важно, режиссерский прием у Мамбетова не существует сам по себе, он всегда направлен на то, чтобы усилить воздействие спектакля.

Лучшие качества режиссуры А. Мамбетова особенно ярко проявились в спектакле «Материнское поле».

«Прославим женщину-Мать, неиссякаемый источник все побеждающей жизни!» — сказано у М. Горького. И подлинная поэма о материнской любви и мудрости, о материнском горе и стойкости звучит со сцены казахского театра. Режиссер как будто бы нисколько не озабочен тем, чтобы создать на сцене иллюзию жизни — зрители ни на мгновение не забывают, что перед ними сцена, и в то же время они захвачены динамикой действия, чувствами и мыслями героев. Даже в самых драматических моментах. Когда, например, Толгонай приходит на станцию, чтобы повидаться с едущим на фронт сыном, а эшелон, не останавливаясь, проносится мимо и потрясенная горем мать в отчаянии валится на рельсы, зрители переживают вместе с Толгонай, но вместе с тем они отдают должное и мастерству режиссера, сумевшего так поставить эту сцену.

Все актеры в спектакле играют хорошо, но подлинным откровением можно назвать исполнение роли Толгонай С. Майкановой.

И. Куприянов. «ЗВЕЗДА ВЬЕТНАМА». До Тхи Тхань — народная артистка КазССР лауреат Государственной премии КазССР С. МАЙКАНОВА.

К. Мухамеджанов. «НА ЧУЖБИНЕ». Курбан — народный артист КазССР И. НОГАЙБАЕВ.

Фото Г. ЛИНКЕВИЧА, В. ПОДГОРНОГО, Е. УМНОВА.

В ряду работ А. Мамбетова не останется незамеченным спектакль «Звезда Вьетнама». Пьеса Ивана Куприянова рассказывает о мужестве вьетнамского народа, о его героической борьбе с американскими захватчиками. В центре пьесы — судьба маленькой вьетнамской семьи, людей добрых и скромных, обнаруживающих в час испытания большую силу воли и веру в победу. В постановке «Звезды Вьетнама» режиссер точно ощутил природу и дух вьетнамского искусства, он ввел в действие пантомиму, танец, музыку. Каждый эпизод мирной жизни вьетнамского народа решен как ожившая картинка со знаменитых вьетнамских миниатюр. Внезапный налет американских самолетов (кстати, по-театральному очень выразительно сделанный при помощи подвешенных к потолку сцены фонарей) ломает эту жизнь. И в спектакль входит второй план — американский.

Особое место в репертуаре казахского театра занимает спектакль «На чужбине», поставленный артистом Малого театра Михаилом Новохижиным. Это первый в казахском театре опыт документальной драмы, и опыт, надо сказать, удавшийся. Драматург Калтай Мухамеджанов на основе подлинных документов и фактов написал драму о так называемой «туркестанской эмиграции», о печальной участи уроженцев нашей Средней Азии, волею судеб оказавшихся после Великой Отечественной войны за рубежами Родины. И драматург и постановщик стремились к документальности, публицистичности, к тому, чтобы в споре идей обнажить обреченность нелепой затеи американской разведки, создавшей «Туркестанский союз». Им удалось показать одиночество и неприкаянность людей в безжалостном и бесчеловечном западном мире.

Театром больших возможностей показали себя наши казахские гости. Они доказали, что им доступна драматургия разных времен и разных жанров.

Каждым спектаклем они стараются говорить со сцены о самом важном в нашей сегодняшней жизни, как бы воплощая в жизнь завет великого Абая:

Брат, умело владеющий
словом своим,
Я прошу — презирай
легковесную речь,
От которой нет пользы тебе
и другим.
Мы обязаны наше искусство
беречь.

О ЛИТЕРАТУРНЫХ МИСТИФИКАЦИЯХ

Статья К. Григорьева и Б. Хандроса в «Литературной газете» (№ 11, март 1969 г.) «Мужчина уходит из школы...» заставила нас взяться за перо, чтобы поделиться мыслями, которые тревожат нас. Хотелось бы сразу внести поправку: только ли мужчины уходят из школы? К сожалению, нет. Довольно часты случаи, когда женщины, опытные педагоги, уходят из школы, если представится такая возможность: математикам находится работа в вычислительных центрах, литераторам — в редакциях и т. д.

Интересные цифры приводят авторы: из 1 200 опрошенных старшеклассников только 9 назвали труд педагога своей будущей профессией, в то время как в 1936 году такой же опрос в городе Киеве дал результат вдесятеро больший.

Со статьей в «Литературной газете» перекликается статья П. Степнова в «Правде» (22 марта 1969 г.). В педагогические вузы и училища, отмечает автор, шли иной раз без желания и порой те, кто не попал в технические вузы, а в результате «из 20—30 учителей только 5—8 подлинных мастеров своего дела».

Авторы статей, предлагая разные меры по выправлению положения, сходятся в одном: в деле оказания помощи школе должна участвовать **вся общественность**, то есть говорят о том, чего с первых дней Советской власти требует наша партия.

Об одной из сторон участия общественности в благородном деле воспитания юношества нам и хочется высказаться. Дело идет о самом массовом и эффективном воздействии на формирование взглядов и характеров — о нашем кино, прессе и литературе.

Очень больно видеть, как за последнее время учитель все чаще становится объектом сатирического освещения в произведениях писателей, на экране и, увы, героем фельетонов в местной прессе. Конечно, не все в школе проходит благополучно, развитие и становление характера никогда не было гладким процессом, но то, как порой преподносится кипучая жизнь школы с ее срывами и подъемами, вызывает возражение.

Как в кино, так и в литературе стало модным (может быть, ради эффекта) показывать картинки обструкций, устраиваемых молодыми гражданами. «Учителя-консерваторы» порой просто глупы, а потому беспомощны рядом с молодыми «борцами». Учитель не может даже понять: «А если это любовь?»

Несколько месяцев назад одному из нас хороший, думающий класс предложил диспут по книге Юрия Герта «Кто, если не ты?» (Казахское издательство художественной литературы, Алма-Ата, 1964 год). Написана она эффектно, читается легко, но диспут проводить было очень тяжело. Судите сами: главный герой Клим — бунтарь-одиночка, организующий поход за правду, против всех и вся. Автор на стороне героя, который вызывает симпатию и у читателя.

Воспитывает Клима дядя, брат его невинно репрессированного отца. Дядя — пародия на советского человека, весь он в «грязненьких анекдотцах», «плотно закрыв ставни, слушает Би-би-си», скопидом, лицемер, обманывающий свою жену — тусклую истеричку. Таковы и друзья дяди.

Не больше повезло одноклассникам Клима. Отец Игоря — крупный работник, зазнавшийся чинуша, предавший в свое время друга; отец Шутова — грязный карьерист, предлагающий в эпилоге Климу застрелить его, так как он повинен в гибели отца Клима.

Вера Николаевна — классный руководитель со «скрипучим, как ржавая петля, голосом». Она пережила блокаду, и «что-то в ней осталось от слова «блокада», что-то суровое, строгое — и в неулыбчивом, февральском лице с отечными веками, и в тяжелой, медлительной походке, и даже в черной облезлой шубе, и такой же котиковой шапочке, надвинутой на лоб». Директор школы Алексей Константинович, человек «с мягкой, несколько настороженной улыбкой», фронтовик, судя по планкам боевых орденов, которые «стыдливо жались к лацкану серого пиджака». Он перестраховщик и поэтому не может сам решить вопроса о постановке в школе пьесы, сочиненной Климом, а просит разрешения в райкоме комсомола; испугавшись же ответственности, лжет в лицо своему ученику. Секретарь райкома комсомола Карпухин, бичующий «буржуазного поэта Уитмена», тоже изолгавшийся карьерист. Это он разрешил постановку пьесы, но, побоявшись расследования капитана Шутова, сваливает вину на Клима и исключает его из комсомола.

Директору соседней школы Калерии Игнатьевне вообще некогда работать, она погрязла в интригах, поощряет наушничество, стравливает детей. Она не останавливается ни перед шантажом, ни перед угрозой насилия.

Очевидно, хватит. Можно добавить только то, что книга горячо рекомендуется в издательском предисловии за «смелую, правдивую, партийную позицию молодого автора». Что касается партийности, то она, на наш взгляд, лишь в том, что автор довольно часто заставляет Клима переставлять на полке «Анти-Дюринг», «Коммунистический манифест» и другие произведения классиков марксизма-ленинизма. Нам это показалось кощунством. Кощунством потому, что единственный положительный герой — парторг школы — проигрывает в борьбе за правду. Не может поправить положение и райком партии. Следуя логике автора, вряд ли правда победит, потому что в романе есть все что угодно, кроме партийности.

...С большим запозданием, в начале марта, получили мы двенадцатую книжку «Нового мира». Открывается журнал повестью о школе В. Каверина. Вот это подарок! Ведь не одно поколение воспитали «Два капитана» этого писателя, вместе с Саней Григорьевым мы и сами начинали свой нелегкий путь и учили героической романтике наших детей.

В предисловии автор описывает сцену знакомства на лыжной прогулке героя, от имени которого ведется повествование, с Андреем Даниловичем Соловьевым, заслуженным учителем, которому признается в том, что учащиеся для него — это целый мир, сложный и запутанный. В ответ на это заслуженный учитель предлагает рассказать историю. Все события, происходящие в повести, события в школе, оцениваются двумя лицами: самим Андреем Даниловичем и его учеником Костей Древиным.

«Началось с того, что меня попросили «спасать» литературу в десятом классе после какой-то «бабуси», которая заболела и, **к общему удовольствию, не вернулась в школу»** (подчеркнуто нами.— **В. Б.** и **Ю. С.**). Андрею Даниловичу пришлось нелегко прежде всего потому, что «бабуся» давала неинтересные уроки и ребята были равнодушны к литературе: «Каменное, непоколебимое» равнодушие сложилось «из скуки пополам с инстинктивной уверенностью, что этот предмет не только вполне бесполезен в школе, но никогда не пригодится им в жизни». Кроме того, ученики были уверены, «что за двойки отвечаю я, а не они и что исключение из школы — факт неслыханный» и «в хорошей оценке учитель заинтересован больше, чем ученик».

Андрей Данилович начинает борьбу с того, что выставляет двадцать двоек: «добрых полчаса весь класс гремел крышками парт, свистел, ревел, пел и мяукал». В первом сражении учитель не побеждает, но он и не сломлен. «Борьба — а это была именно борьба — продолжалась месяца три. А может, и больше».

Наконец Андрей Данилович все-таки заинтересовал ребят литературой: «Может быть, потому, что я читал им Блока, Есенина, Ахматову, которых, разумеется, не было в программе. А может, потому, что я рассказывал им о книжных редкостях, о литературных мистификациях».

Здесь хочется обратиться к автору повести и главному редактору журнала.

Уважаемые товарищи В. Каверин и А. Твардовский! Нам, конечно, ясно, что Андрей Данилович талантливее той «бабуси». Мы «консерваторы» и, разумеется, предпочитаем в своей работе придерживаться государственной программы по литературе, в том числе рассказывать ученикам и о поэмах «Василий Теркин», «За далью — даль», хотя, конечно же, не меньше любим поэзию Блока,

Есенина, Ахматовой и знакомим с нею наших воспитанников. Уверены, что и «бабуси» поступают так же. Так что тут, скорее, дело в «литературных мистификациях»...

Андрей Данилович утверждает, что никогда не понимал выражения «лицо класса»: нет такого, нет — и все! «Есть четырнадцать мальчиков и шестнадцать девочек».

Не должно быть «нелюбимых» учеников, потому что это «предполагает недоброжелательное пристрастие». А вот «любимые» могут быть. И Андрей Данилович находит их. Это четверка «гениев» — так их называет Древин. Во главе четверки, «психологического центра класса», свой центр — Володя Северцев. С этой четверкой учитель сближается и через нее воздействует на класс, ведет всех вперед, как оказывается в итоге, к золотым медалям (на следующий год).

Костя Древин, фамилию которого Андрей Данилович все не мог запомнить, то есть не принимал его всерьез, очень наблюдателен и тоже своеобразно оценивает учителя, его труд и своих одноклассников.

Сначала об учителе. «Что касается Андрея Даниловича, так он просто старый осел, который не видит дальше своего носа...» — так судит о нем Костя Древин. «Он стоит неподвижно, а мы двигаемся мимо с различной быстротой, так что ему, конечно, приходится туго... Мужчина видный, с бородкой и довольно хитрый, хотя у него в голове не больше, чем у кардинала в пятке... В общем, он все-таки в чем-то Молчалин...»

Но герой все же «объективен» по отношению к своему учителю: «Впрочем, Андрей Данилович в сравнении с другими преподавателями все-таки сравнительно полезная двуногая особь. Меня он интересует как модель среднего человека XX века, то есть личность, обладающая необходимым внутренним устройством, чтобы устоять в борьбе за существование...» Представляете, какие остальные преподаватели в школе!

Костя за обыкновенного человека, потому что «обыкновенному человеку все-таки приходится меньше врать, потому что ему почти ничего не надо» (?!). Древин уверен, что «гении» мечтают перевернуть науку, а на деле все сведется к двум-трем кускам в месяц, хотя сейчас они, может быть, даже и не думают о деньгах».

«Высоко» оценивает Костя искренность своих друзей и одноклассников. Он слышал о машинке, называемой «детектором лжи», и мечтает установить ее в классе. «Машинка работала бы бесперебойно... И даже Андрей Данилович, который очень любит говорить об искренности, тоже задал бы ей работенку. В прошлом году, накануне сочинения по темам роно, он осторожно намекнул, какие будут темы, и вместе с нами разработал планы. А когда кто-то запустил ежика в роно о том, что у нас была «генеральная репетиция», он стал выкручиваться, и мы его покрывали. Ничего не поделаешь! Честь школы!»

Костя полемизирует со старым большевиком и приходит к выводу, что «теперь многие вступают в комсомол только потому, что это как бы считается неудобным — не вступать». И дальше: «Не знаю, как в других школах, а у нас комсомольская работа завалилась давно, потому что она нужна главным образом директору и еще кое-кому для карьеры».

В школе большое событие: на будущий год ее столетие. В связи с этим класс Андрея Даниловича называют «выпуском века». Костя об этом говорит так: «В общем, мы теперь «выпуск века». Это значит, что мы попадаем под закон показухи... О двойках вообще не может быть и речи, а трояков будут умолять, чтобы они учились на четверки...»

Зря, очень зря недооценивает Андрей Данилович Костю, ведь у него на все свои твердые взгляды: «Считается, например, что мы не знаем жизни, а мы ее знаем и научились ей, между прочим, в школе. Мы знаем, что не надо говорить и что надо и чем можно воспользоваться, а чем — нельзя...». И дальше: «Если бы старый большевик заглянул, например, нашему Пелевину в душу, он в два счета загнул бы копыта. Если в жизни придется хитрить и ловчить — мы что, этого не умеем? Нам даже приходится изворачиваться, чтобы они, то есть взрослые, думали, что мы ничего не понимаем и не замечаем». «У нас теперь все — романтика. Кафе — «Романтики», туристский лагерь — «Романтики», и даже целая серия книг называется «Тебе, романтик». А если я не романтик? Я, между прочим, всю эту романтику ненавижу, потому что считаю, что она — тоже вранье».

Действие развивается дальше. Ученики с благословения учителя ставят пьесу, в которой играют все те же «гении» и еще две девочки. В пьесе ученики играют самих себя и, как оказывается, высмеивают любовь Вари Самариной к Володе Северцеву.

И опять в двух планах дается оценка взаимоотношений полов — глазами учителя и ученика, и, право, трудно разобраться, какая оценка благородней.

Костя. «Северцев, управляя своими инстинктами, уговаривает Самарину, и для последней это может кончиться плохо...» И еще один взгляд: «В школе мы читаем «Что делать?», а дома — «Звезды смотрят вниз», где как раз написано, что делать, например, с бабами, и вообще, как надо в жизни добиваться успеха».

Андрей Данилович наблюдает в форточку (так у автора) свидания Володи и Вари, размышляет о том, что они говорят и как идут, и что-то «строгое чудилось» ему в этих встречах. И вывод: «Впрочем, глядя на них, я думал и о том, что не пройдет и полгода, как Володя у той же пристаньки будет встречаться с другой или Варя с другим». Может быть, с чьей-то точки зрения, это и «жизненно», но не слишком ли цинично?

Дальше события развиваются таким образом, что оскорбленная Варя покидает спектакль; Костя Древин, этот серенький мальчик, в кровь дерется с Володей. Дружба четверки распалась. Более того, между классом и учителем появилась стена. И хотя читателю понятно, в чем дело (это ясно даже Косте), Андрей Данилович недоумевает: «Откуда же взялось это невидимое препятствие между классом и мною? Допустим, размышлял я, все дело в моей «театротерапии», как назвал нашу инсценировку директор, любивший выражаться сложно. Но ведь не зла же я им желал, а добра!» Вот так аргумент! Полноте, товарищ Каверин, учитель ли это позволяет себе быть наивным?

А вот и итог: дирекция спектаклем довольна, все, кому положено, получили через год медали. Андрей Данилович, как заезжий антрепренер, радуется, что открыл в Володе артиста.

Радость Андрея Даниловича никак не вяжется с авторским послесловием о Варе Самариной. Уже не Варя, а Варвара Павловна, работающая преподавателем музыки в школе, ходит осторожно, не смотрит в глаза, лишена свободы и в действиях и в игре на рояле. «Бог весть почему я почувствовал жалость к Варваре Павловне»,— пишет автор. Потом развивает мысль: «Володя предал, отдал всем то, что принадлежало только им, и этот непостижимый, ошеломляющий, оскорбительный поступок навсегда лишил ее внутренней свободы».

В конце повести автор пишет о школе, в которой трудилась Варвара Павловна. «Я побывал в этой школе, познакомился с директором, встретился с десятым классом, и — как это уже случалось в других школах — **на меня пахнуло дыханием сложного мира, в котором, как в глухом лесу, бродят, перекликаясь, взрослые, слыша только собственные, невнятные голоса»** (подчеркнуто нами.— **В. Б. и Ю. С.**).

Эти слова смело можно ставить эпиграфом к повести В. Каверина. Глухой лес, ...взрослые бродят, едва слыша свои собственные голоса, а вокруг сложный мир... Остается только добавить, что повесть названа «Школьный спектакль». Не правда ли, название претендует на символ?

Почему же в такой, прямо скажем, оскорбительной манере можно говорить о педагогах, об их работе?! Кому это на пользу? Ведь знают же товарищи А. Твардовский и В. Каверин, что наши журналы, в том числе и «Новый мир», мы рекомендуем учащимся для внеклассного чтения.

В свою очередь, как учителя-практики мы знаем одно: такие «откровения» о школьной жизни, звучащие со страниц солидного журнала, приносят огромный вред нам, педагогам, дезориентируют часть учащихся, которые, конечно, интересуются, что нового о них появляется в литературе.

Не утрачено ли некоторыми литераторами глубинное, народное понимание роли учителя, окружаемого у нас всеобщей любовью и уважением?

Когда-то мы с восхищением смотрели фильмы «Учитель» и «Сельская учительница». Эти ленты для многих определили будущую профессию. Образы, созданные Борисом Чирковым и Верой Марецкой, становились нашими идеалами. Это были подлинные герои скромной и сложной профессии...

Почему же сейчас на экранах, в литературе учитель слишком часто выступает как консерватор и рутинер? Почему смакуются сцены срывов уроков, грубость, невоспитанность учащихся? Наших ребят стали изображать циниками, аполитичными мальчиками и девочками.

Неужели те, кто пишет о школе, искренне уверены, что все так плохо, как они изображают? Разве не заслужили учителя уважения к себе со стороны деятелей искусства (которых, кстати говоря, они и направили в жизнь)? Ведь в огромной массе работников народного образования типы, изображенные в литературе,— редкие единицы. Мы с гордостью можем сказать, что среди учителей есть и Герои Социалистического Труда, и ученые, и академики.

Почему же не дать образ такого труженика-педагога? Это было бы для нас приятным исключением из той тенденции, которая сложилась сейчас в изображении учителя, и польза была бы огромная. А труд учителя, честное слово, заслуживает уважения и со стороны творческих работников.

Что касается вопроса о «бабусях» — имеются в виду ветераны-педагоги, ушедшие на заслуженный отдых,— то товарищу Каверину, очевидно, будет новостью узнать, что в школах такие «бабуси» остаются почетными гостями. Есть хорошая традиция помнить своих учителей, давших первую путевку в жизнь. Признательный человек — писатель он или просто рабочий, колхозник или ученый — всегда найдет время поздравить такую «бабусю» в День учителя, расцеловать ее на традиционном вечере, послать открытку в день ее рождения.

На Всесоюзном съезде учителей Л. И. Брежнев говорил о том, что «партийные организации должны создать вокруг учительских коллективов такую атмосферу, чтобы каждый учитель видел со стороны общественности постоянную готовность прийти к нему на помощь, по-товарищески, доброжелательно и со знанием дела вникнуть в его заботы».

Думается, что это относится также и к творческим работникам: «...доброжелательно и со знанием дела».

В. БАРАБАШ,
заслуженный учитель Узбекской ССР,
Ю. САРАДЖЕВ,
директор школы № 21 г. Ташкента

Гнездовья

Василий НОЗДРЕВ

Русь

Воздать тебе по праву славу
Я, сын твой верный, не берусь.
Как ты степенна, величава,
Моя заснеженная Русь!

Ты сказочна, чиста, богата,
Когда приходит к нам зима
И деревень российских хаты
Украшены, как терема.

Под снегом реки онемели,
Суровым воинством вдали
Стоят деревья в шапках белых,
Как русские богатыри.

Прохожий пробежит вприпрыжку
(Морозец русским — не беда!),
Срывая с бороды ледышки,
Лишь пробасит:
— Вот это да!

А с горок парни и девчата
Летят в санях через пургу,
И малыши, как медвежата,
Шалят в сверкающем снегу.

И дед-мороз, как ни шаманит,
Не может их прогнать с реки,
Хотя теплом давно их манят
Домов нарядных огоньки.

Кто не живал в лесной избушке,
Когда вокруг снега и лед,
Тот не поймет народ наш русский,
Характер русский не поймет.

Вера

Как велика, могуча вера
И как спасительна для нас!..

Тебя терзали изуверы
Не раз, не два, а сотни раз.
А ты все веришь суеверно,
Израненный, ползешь вперед.
Отчизне преданный безмерно,
На смерть идешь за свой народ.

И вера огоньком тюльпана
Горит вдали на взлете гор,
И увлекает ветерана
В атаку, как солдата — горн.

* * *

Нет, нет, друзья, вы неправы,
Стихи порока «лобовые».
В них напряженье тетивы,
Удары молний грозовые.

В наш сложный век добра и лжи,
Когда кровоточит планета,
Как хлеб, нужны стихи-ножи,
Такие, как «На смерть поэта».

Индейцы

Была бы здесь моя страна —
И расцвела б индейцев нация.
Но им в Америке дана
Людская клетка — резервация.

И вот столетьями весь год
От праздных взглядов людям
жарко:
На них глядит туристский сброд,
Как на оленей в зоопарке.

В руках у янки длинный стек,—
И это есть цивилизация...
Двуличный век, жестокий век,
Людская клетка — резервация.

Засуха

О, как мучительно смотреть
На то, как тяжело природе:
Вся в трещинах земная твердь
И жизнь растений на исходе.

— Воды! — взывают к нам цветы,
И жухнут на лугах ромашки...
Беспомощный уходишь ты,
Чтобы не слышать стон их тяжкий.

Еще страшнее сушь души,
Когда вы к жизни равнодушны
И жалкие, как торгаши,
Лишь шороху рубля послушны.

Октябрь

Дым костра то идет в высоту,
То, на озимь упав, низко стелется.
По опушке багряной иду,
А вокруг золотая метелица.

А вокруг только листья шуршат,
Опадают и вновь поднимаются.
Вместе с ветром куда-то спешат
И на водную гладь опускаются.

И плывет и плывет по реке
Желтолистая, пестрая стая,
Оседая в речном ильняке
И в низовье реки уплывая.

Словно матери в смертной тоске,
На пригорки березки сбежались,
И глядят, как плывут по реке
Листья их в невозвратные дали.

Тяжело, как детей, их вскормив,
Испытать неизбежность разлуки.
И заламывают, обнажив
Свои белые, белые руки...

А река все течет и течет,
Грудь прикрыв от ветров
ивняками,
И все листья несет и несет,
И рябины горят маяками.

Ветер свищет, деревья когтит
И срывает с березок одежды.
А костер наш горит и горит —
Остров света, тепла и надежды.

Рисунки Ю. Черепанова.

Лесной хор

Когда поют многоголосо
Январской ночью роща, бор,
В сторожке ветхой, у откоса,
Люблю послушать зимний хор.

Гудят дубы, скрипят осины,
Тут и суровый бас и стон,
И бусы — ягоды рябины
Вплетают в хор веселый звон.

Шум сосен —
песнь у колыбели,
Звон лоз —
встревоженный хрусталь,
И тихий плач зеленой ели,
Как материнская печаль.

Гнезда

Опять веселый из заморья
В сад прилетел зеленый май.
Вернулись птицы на гнездовья,
Вернулись снова в отчий край.

Давно, в сиреневое время,
И я с подругой строил дом.
Птенцов моих веселых племя
Росло, резвясь в гнезде родном.

И быстро дети вырастали,
И разлетались кто куда.
На память перья лишь остались
В излуках старого гнезда.

Листаю прошлого страницы...
Мой старый дом, как решето.
А за окном моим синицы
Таскают перышки в гнездо.

Березы на чужбине

Забилось сердце горячо,
В жару мороз пошел по коже,
Когда упали на плечо
Мне
ветки тощие березы.

Привет,
сердечный вам привет,
Мои красавицы землячки!
Не по душе вам жгучий свет:
Как кровь на белизне болячки.

И стан не тот, не тот убор,
И вы до срока пожелтели.
Наверно, снятся до сих пор
Вам наши русские метели!

...Я их беде помочь не смог,
Ушел, чтоб не бередить раны,
Оставив у распухших ног
Берез
горящие тюльпаны.

Тетеревята

Когда на августовской зорьке
Уйду в лесок за косогор,
Вдруг с криком вскинется тетерка
И с шумом ткнется в ближний бор.

Тетеревята в росных травах
Засуетятся, засвистят
И, писком огласив дубравы,
Пойдут искать гурьбою мать.

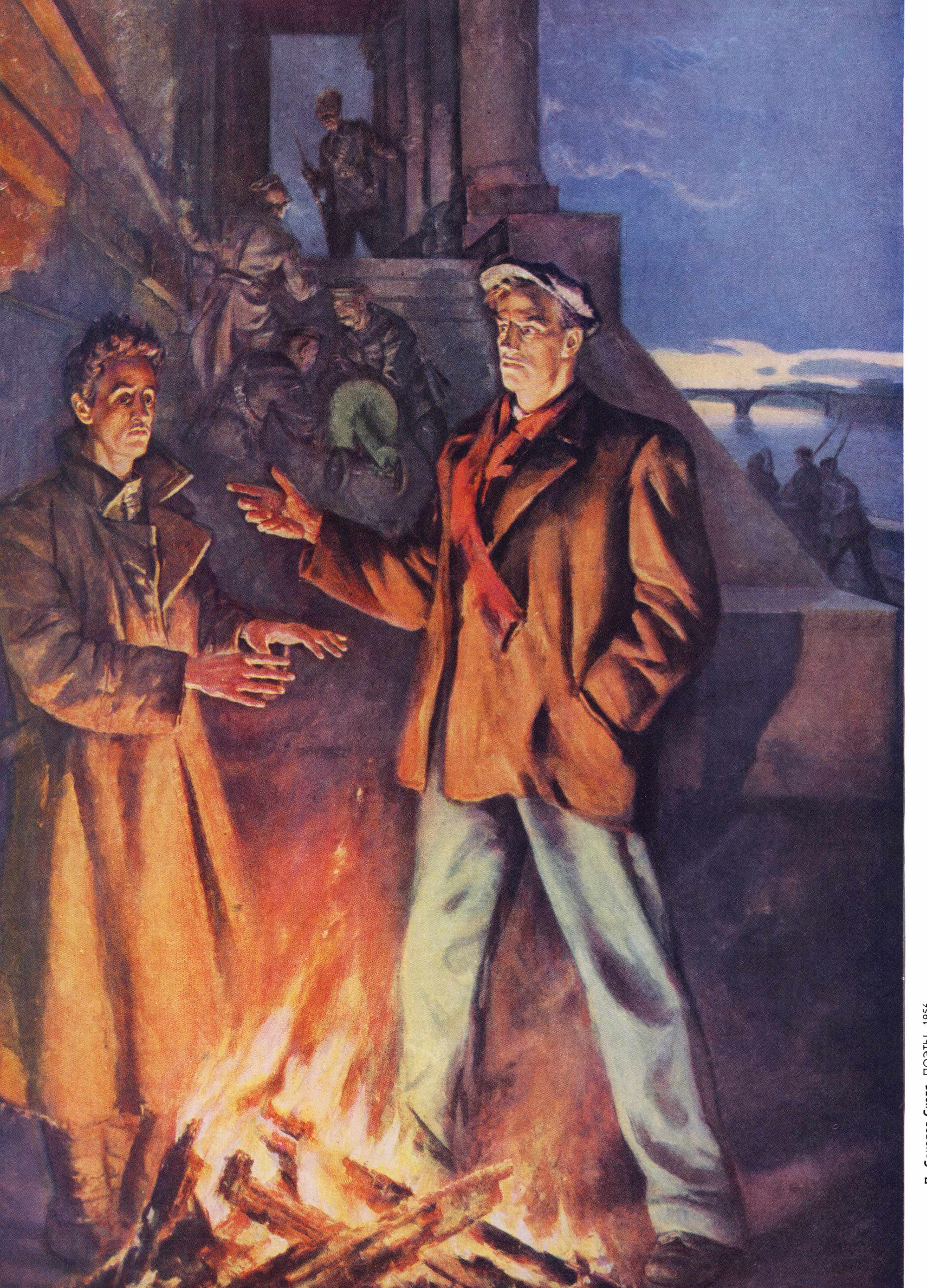
И вспомнится другое лето —
Год сорок первый, Буг и Брест,
Ребята в выжженных кюветах,
Их сиротливый плач окрест.

И кровь горячею волною
К лицу прихлынет, как прилив.
Взволнованный, я стороною
Пройду, двустволку разрядив.

И только пес, вдруг сбитый с
толку,
Мое смятенье не поймет
И нехотя, срывая стойку,
За мной, обиженный, пойдет.

П. Соколов-Скаля. 1919 ГОД. РАБОЧИЙ ОТРЯД УХОДИТ НА ФРОНТ. 1937.

КРАСНОДОНЦЫ. 1948.

П. Соколов-Скаля. ПОЭТЫ. 1956.

АНДРОНКИН ФАРТ

Владимир ИЗМАЙЛОВ

Рассказ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

Андронка себя счастливым считал и не любил, когда его женщины жалели вслух и называли «сиротинкой бессчастным» и прочими жалкими словами.

Раскроет он синие свои глазищи, в которые трудно было глядеть — до того они были чисты и не по-детски серьезны, глубоки,— и скажет толково так:

— Не-э, теть, вовсе я не бессчастный. Я счастливый вовсе, правда...

— Да как же,— иная не в меру добрая тетка заспорит с мальцом,— отец невесть где погиб, мать, непутная, бросила,— ни тебя приютить, ни тебя приласкать, ни тебя полюбить некому! Всем ты докука да всем нежеланный, горюшко подзаборное...

— Да как же,— растолковывает терпеливо Андронка,— докука? Я то подомовничаю где, то помогу в огороде, мне все спасибо говорят да кормят. Я только хлеб не везде ем: у кого мало, так я не ем. А картошки от пуза наемся! Меня и баушка хорошо кормит, только деда говорит, что война не война, а обычай не ломай: где поработал,— покормить должны. Пусть и невдосыть, да честь столу окажи, а сколь не наелся, так дома добавишь...

И многим не по себе становилось от этой недетской рассудительности, пусть и с чужих слов, да уж очень убежденной.

— А папка мой пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины! — Когда говорил Андронка эти давно заученные слова, он весь в струнку вытягивался, и глаза становились как синий огонь, смотреть больно.— А где похоронен, так это еще военная тайна, да. После войны тайны не будет, и я поеду, куда укажут, и каменную звезду вытешу на папкину могилу...

Плакали бабы тихонько, а парень снова говорил серьезно-озабоченно:

— И деданька Никита ко мне добрый, а баушка так сама говорит, что любит меня. У других ребятишек, может, и родных-то таких нету! А кто меня не любит, теть? Я не знаю... Может, и где неладно наделал, так ты скажи, а я пойду прощенья попрошу: спина не переломится, а людям лестно, что не гордишься, вину свою понимаешь...

Подопрутся бабы руками, задумаются, глядя на Андронку, завздыхают:

— Господи, да до чего же разумный, да неоповаженный (неизбалованный, значит), да уважливый какой!

И приглашать начнет иная:

— Может, пойдешь в дети ко мне? Уж какнибудь, где трое, там и четвертый прокормится.

Андронка вежливо говорил спасибо и отказывался. А чтобы не обижались, объяснял:

— Уж в дети, так вовсе маленьких брать. А я — куда!.. Вон большой какой! Вовсе не ладно, тетя: побить тебе меня, чужого, будет жалко и пожурить горько, а я возьму да избалуюсь от этого хуже твоих родных. Лучше я какнибудь сам, один буду вырастать среди добрых людей. Если чего плохо сделаешь, так не на кого и пенять, сам виноват, сам и отвечай. Только я очень не хочу плохим делаться.

Мать перестали плохим поминать — знали: не терпит этого Андронка. Он, чистая душа, жалел ее, да и не как мать только, а как человека, понимающе и мудро. Это, конечно, деда Никитовы понимание и мудрость, и слова его он повторял убежденно, как свои, но только...

Только один раз он так повторил мне их, что меня морозом по шкуре подрало. Я тогда неосторожно пообещал ему, что вот поймаем его непутевую мать да и в тюрьму посадим за то, что она не только сына бросила, а и документы все забрала, вплоть до похоронки, так что ни пенсию, ни паек невозможно выхлопотать. Посадим, потому что такую не жалко!

— А мне жалко,— грустно сказал Андронка, и синева его глаз серым взялась на миг, точно тучка прокатилась по небу ясному,— жалко... Ей ведь, Володьша, куда хуже, чем мне: я вот вырасту да еще хорошим человеком стану. А ей, сколь ни живи, сколь хорошего ни делай людям, а на чужих детей глянет — так сердце-то и зайдется! А это очень плохо, Володьша, когда сердце заходится,— тихо закончил он и вздохнул.

Пряча глаза, я грубовато спросил:

— У тебя, что ли, заходилось?

— Один раз заходилось,— сказал Андронка,— когда меж двор бродил и в одной избе мне тетя сказала, что я кусок украл. А у нее своих было пятеро маленьких... Она меня картошкой кормила, да и хватились хлеба-то!... А я не брал. Я, Володьша, сроду-сроду крошки чужой не брал, чтобы мне провалиться!—заклялся он.

— Да я верю. И все верят. Домовничать зовут, разве хлеб от тебя прячут, нет ведь?

— Правда. А та тетя не поверила, побила меня и на мороз выгнала. Я пока к другим чужим насмелился постучаться, так у меня сердце зашлось.

Я поставил его между колен, обнял за худенькие плечи и сказал, глядя прямо в нестерпимые его глаза:

— Правильно, парень, никакой ты не несчастный, а просто несчастливый. Это, брат, разница!

— А какая разница, Володь?

— Несчастливый? Это кому в жизни просто не повезло: беда там или несчастье какое, вот как у тебя, а он все равно не киснет и духом не падает. Крепко держится, понял? А несчастный, он духом нищий, нытик, кусошник, ему надо, чтобы его жалели все, понял?

— Понял,— твердо сказал Андронка.— Ни за что я несчастным не буду. Только я и несчастливым не буду. Я счастливый, правда. Знаешь, Володь,— сказал он почти шепотом, и глаза у него сделались, как полуденное небо весной,— знаешь, я когда стараюсь в отвалах, все думаю: обязательно я должен самородку поднять! Пусть хоть небольшую, раз я сам еще небольшой... подниму — и в Фонд обороны сдам! Ты погляди, какой мне деданька лоток вытесал — корейский, легкий да ходкий, а уж до чего шлиха смывать хорошо — ни одна золотинка не уйдет!

Засмеялся я и сказал:

— Ты только не так шибко желай: примета есть на золоте — кто жадно хочет, у того золото в почву уходит.

— Так я же не жадно! И потому что не для себя, а для Родины...

— Ты хоть для себя-то настарывайся на хлеб: вон гляди, все не можем тебе паек оформить; велят в детдом, а мне не хочется, да и все не хотят отпускать тебя.

Андронка глаз не опустил и горевать не стал: знал он, что теперь его дед Никита ни за что не отдаст в детдом, даже если бы и сельсовет захотел это сделать. Парнишка маленько напрягся, как бы приглашая попробовать его силенки, я сжал его плечи и вдруг с удовольствием почувствовал пальцами, что он не только худенький — он еще и жилистым стал, крепеньким таким, как большинство наших приисковых ребятишек. И лицо вон вовсе не бледное, а загорело хорошо, кожа на щеках чистая, ребячья и здоровая, хоть, конечно, не довоенной сытости лицо, но и не сиротское. И забитости никакой в нем нет, хотя он все равно был мягче как-то, чем большинство его сверстников — людей лихих и независимых.

...Он все напрягался, пока я не выпустил его, будто силу потеряв, и крикнул ему, отскочившему:

— Силен мужик, хоть в забой ставь!

— Да,— засиял Андронка,— а в связчики стараться не берешь!

— Не могу: ты же хочешь самородку поднять, а я, выходит, с расчетом к тебе навязываюсь,— серьезно объяснил я и рад был смешной этой отговорке, потому что как же объяснишь Андронке, что я завтра буду вкалывать весь день без отдыха, а он станет за мной тянуться и — долго ли надорваться мальцу? Как оказалось, очень правильно сделал я — ведь пофартило парнишке удивительно, вопреки всем приметам старательским! Не зря, выходит, он счастливым себя так упорно называл. Я-то главным фартом его жизни считал то, что он, бродяжка маленький, в своих скитаниях междворных на деда Никиту наткнулся—около деда плохим человеком не вырастешь! Но вышло, что и в чисто приискательском смысле фартовый парнишка Андронка...

У нас вроде неписаного закона считалось: кто сердцем горит, фарта жаждет — слепой приискательской удачи, тому обычно не везет. Это я правду Андронке сказал. Такой был у нас до войны Семенко Ухватов. Сам про себя говорил, что фамилия у него не зря такая: «Ухватистый-де мужик я и «хитничать» умею...» В ту пору настоящие-то хищники на золоте почти вывелись, а называли себя так одиночки-старатели на вольном приносе, по договору работавшие, где хочешь. Называли, наверно, просто из старинной приисковой гордости, потому что по всей тайге рыскали в поисках самых фартовых мест. Вот и Семенко то в одиночку, то с малой артелькой таких же, как он, удалых и бесшабашных, жадных до фарта связчиков, метался по горным долинам да логам, все «богатимое» место искал.

Да чего-то все не находилось это место... Сколько он пустых шурфов—«глухарей» вы-

бил, страшно сказать! Один раз с двумя связчиками восемнадцатиметрового «глухаря» посадили в увале, в пологом отклоне горы. Связчики его плюнули и ушли, а он в одиночку еще на метр углубился, благо шурф сухой. Это вы представляете, каково ему кидать приходилось в одиночку из такого колодца через шесть полков-настилов! На один накидает, вылезет, передохнет — на другой перекидывать начинает. На почву сел — до коренной породы добился, а золота нет.

...У нас на приисках все наоборот звалось: самый верхний слой, который везде почвой называют, у нас звали торфа, за торфами шли речники — галька с цветной глиной, легко смываемой, вся водой пропитанная и пустая, без золота; потом уже, за речниками, шли собственно пески — золотоносная порода, галька неокатанная, угловатая, камень некрупный, все красной глиной связано. Глину эту примазкой зовут, ее-то и промывают в поисках золота. А ниже песков — почва, коренная порода, часто скала или шихан-камень, наискось торчащий. Бывает, что золото в тоненьком слое песков при самой почве, а то и ложная почва попадет, догадаешься пробить ее — в прослойке песков золота не огребешься...

Вот Семенко и бился, думал — ложная почва, да все зря. Бросил шурф, запил с горя.

Вот ведь до чего невезуч был человек: кто-то возьми да и попроси у него разрешения покопаться в брошенном шурфе.

— Валяй,— говорит нефартовый Семенко,— «глухаря» не жалко, а чужого труда — тем более. Я там и грамма не набрал золота, да и то все бусовое, ни одного, што-есть, знаку!

(Бусовое — мелкое, что и пальцами не ощутишь, а «знаки»—частицы покрупнее.)

И тот, который попросился наиспыток, буквально одну бадейку песков наковырял в шурфе, вытянул веревкой наверх, стал промывать — да с третьего лотка и снял самородок в сорок граммов!

Думали, задавится с отчаяния Семенко Ухватов! И отобрать нельзя, и в пай не войдешь к счастливцу: сам, прилюдно, отказался от шурфа, сам разрешил копать. Отобрал все-таки свой шурф, снова три дня копался — хоть бы тебе бусинка!..

А один вербованный парень был, не приискатель вовсе, шел после большой грозы по «николаевскому» отвалу — так у нас старинные, еще до революции насыпанные отвалы называли — да и подфутболил самородок ногой в сильно размытом месте. Больше полутора килограммов чистого золота вышло! И ведь где — в отвале, в давным-давно промытой породе!..

Он, тот парень, его за так сдал, государству подарил.

На развитие авиации.

Говорил:

— Я же, мол, всего и труда-то положил, что нагнулся, только и ущерба понес, что маленько ногу ушиб.

Смеялся.

— Я,— говорит,— может, единственный в мире человек, который об золото ногу ушиб!..

А, между прочим, все права получить деньги за тот самородок он имел. Потому что не в государственном и не в артельном забое, а вовсе в не подходящем вроде бы для самородков месте поднял свою находку.

Но он комсомолец был, парень тот.

И, конечно, веселой души человек. Чистый.

Правда, некая корысть ему все же выпала, и немалая по нашим понятиям: в газетах написали об этом, и славы ему досталось необычной. Так тот парень и действительную служить ушел со своей славой. Небось, хорошим бойцом стал: из бескорыстных-то и выходят настоящие солдаты...

Тут я малость покаяться должен: сам я не меньше Андронки о самородке мечтал. Только, конечно, никому не говорил: одно — что не принято среди приискателей такое, другое — в шестнадцать лет своих занимался я строгим и опасным делом помощи милиции, и стараться даже для хлеба мне некогда было. Так, изредка. Платить же мне никто не платил, и получилось, что я сам себя пайка лишал — без работы. Теперь бы сказали: на общественных началах,— а тогда я ни про какие начала не думал, а просто по комсомольской обязанности. Нельзя же было позволить немногим подонкам в военное время делать опасными таежные тропы...

...А мечтать — мечтал, пожалуй, так же, как Андронка: не раз до жгучей яви воображал, как подыму крупный—непременно крупный!— самородок, сдам его в Фонд обороны, пусть на него купят чего нужно для победы. И даже газетной славы мне не надо — плевать! Пусть только меня за это на фронт отправят... Но уже не раз попадались мне бандиты, один раз даже дезертир, а самородок все не попадался...

Андронке же попался.

Из-за этого Андронкиного фарта я чуть с дедом Никитой, которого все звали Прокурором, не рассорился и получил, считаю, один из главных уроков в моей жизни.

...Ехал я, злой и продрогший, по мокрому, леденящему октябрю, по слякотным горам, заценевевшим в немилостивой непогоди.

Домой ехал с неудачной операции. Гнался за бандитами, ограбившими колхозную пасеку, но закрыли их следы осенняя темная ночь да не в пору выпавший ранний снег. А когда тьма и снег к утру растаяли, с ними растаяли и бандитские следы. Оно, может, и к лучшему: кто знает, догони я грабителей в одиночку — некому было бы теперь рассказать про Андронкин фарт...

Спустился на прииск и почти у своего дома встретил Андронку. Летел парень по грязи, сапожишек не жалея. А раньше за ним этого не водилось: берег бесценную по войне обувь, дедом Никитой сработанную. А тут летит, руки прижав к груди, только брызги да ошметки грязи по сторонам! Он и не крикнул еще, а я уже издали понял, в чем дело: таким невероятным счастьем полыхали его глаза.

— А ты говорил...— задыхаясь от счастья и бега, проговорил он, прижимаясь лицом едва не к стремени, и опять закричал: — А ты говорил, Володьша, не загадывай! А я же не для себя, помнишь, говорил? А ты...

Странно вспомнить теперь, но тогда я подумал, как бы не попала ледяная, косо секущая крупа в эти беззащитные глаза!..

— Поднял? — деловито спросил я и намеренно чуть пригасил ребячий нестерпимый восторг притворным равнодушием.— Ну, покажи.

Слез с коня рассмотреть фарт, и парнишка из грязного, красного от холода и мокрого кулачишки бережно опустил в мою ладонь тяжелый «знак».

— Ха-арош самородочек! — от души похвалил я: комочек, сияющий знакомым и вечно новым тревожным драгоценным светом, был ощутимо тяжел, окатист.— Кварц отойдет, так грамм, хвати так, на двадцать пять, не меньше. Ну, с фартом тебя, Андрон Степанович!

Разжать вновь правую руку счастливец побоялся, так и сунул мне мокрый, невероятно богатый кулачок!

— Поднял! Большущую!.. Там всем разрешили стараться в разрезе... Я и пошел... Я и поднял его, Володьша, с пятого лотка! — звенел счастливым бубенцом Андронка, наперекор секущей крупе, злому мокрому ветру, трудной осени и горькой жизни. За весь год не слыхал я, пожалуй, такого чистого звона в его голосе...

— Так чего же ты задаешься, паря? Экто невидаль, самородок на прииске поднять! Неладно кричать у золота, мужичок, разве забыл?

— Забыл! — потише признался парень.—Я, знаешь, так обрадовался, Володьша! Потому что я же не для себя, а в Фонд обороны...

Что-то жгучее и холодное одновременно окатило мне сердце — с такой радостью напомнил мне мальчишечка свой нешутейный зарок.

Он стоял передо мной — худенький, ничей, вроде бы брошенный на милость людскую, на «меж двор побираться», до того обойденный судьбой из-за дурной матери, что и законного-то кусочка несытого военного пайка ему не полагается; стоял, весь мокрый от ледяной грунтовой воды и дождя, полдня так трудно отработавший, что незнающий взрослый и не поверит; стоял невероятно фартовый маленький приискатель, которому теперь отвалят по закону добрый куль — «кантарку» муки,— по три килограмма муки на грамм золота выдавали тогда! — одежонку и обувь, сливочного масла и даже — чего только не давала Родина на золото даже в то трудное время! — школьных тетрадок для себя. Целый год безбедной учебы обеспечен ему, а ведь фартовый сирота не шибко помнил вкус настоящего хлеба: старики Санниковы сами подтощали на иждивенческом своем пайке...

Он стоял передо мной, и я не мог смотреть в эту синеву, потому что светилось в ней желание помочь Родине и совсем искренне, бездонно утоплено счастье впиться голодными зубами в кусок настоящего хлеба.

Я отвернулся поправить подпруги, хоть и были они в порядке.

Потом похлопал себя по кобуре и сказал:

— Вооруженная охрана не требуется?

— Требуется! — звонко согласился фартовый приискатель.— До кассы сопро... вождить.

— Стоп! — лихо сказал я.— Не спеши, а то потеряешь! Кассир обедает, касса закрыта. Это первое. Второе — хоть ты и самостоятельный мужик и вполне фартовый золотничник, однако стоит ли обижать стариков, а? Может, надо бы похвастать да посоветоваться?

— Ой, надо, Володь! — И до того же мило покраснела грязная и мокрая рожица! — Я... Правда, деданьке и баушке же надо... Я не потеряю, Володь, что ты!

— Ну, иди, а мне, вспомнил, в контору надо заехать,— очень естественно соврал я, сел в седло и повернул коня...

Старик кассир золотоприемки понял меня сразу, и начальник прииска тоже. Андронке надо учиться во втором классе. Сын погибшего на фронте, он по любой, самой строгой военной морали имеет право хоть таким образом получить чего недодали ему «по форме». Родина и без его жертвы не ослабеет, и не надо ей, чтобы мальчонка один ослабел. А золото все равно пойдет государству — по всем правилам.

И когда Андронка явился в контору, кассир принял у него самородок, оттолок, протравил кислотой, просушил, взвесил чистое золото, выписал, как полагается, боны — квитанции в магазин и поздравил:

— С фартом тебя, паря! Двадцать девять граммов восемьсот миллиграммов чистого веса! Пускай приходит дед теперь, оформим на него и оплату и муку за золото, потому как,— и кассир сожалеюще причмокнул,— хоть ты и фартовый, а годами не вышел...

...Дед вломился в контору форменным прокурором. Не поздоровался.

Андронка возле него лепился растерянно и упорно.

— Ну-ка, Карягин,— распорядился дед начальнику участка,— спосылай-ка спосыльного за Володьшей да и за Тузовым в совет!

И растерянный Карягин послал за нами.

Я поздоровался с дедом Никитой с улыбкой, ожидая встретить понимание и лукавую поддержку нашего общего заговора, но был буквально срезан грозным взглядом и оскорбительным молчанием. Это значило, что дед на пределе, раз уж обычай вежливости побоку...

Андронка глаз не отвел по своей привычке, но в синеве их явственно густели боль и недоумение. Я подумал, что зря не проводил его до избы, не иначе, как потерял малый самородок, оттого и гневен дед...

— Так! — грозно сказал Прокурор.— Ты, Советска власть, при печати? Тогда слушай, твоей вины тут нет, а поправлять доведется. Ты их погляди, Тузов, каковы святые нынешни, а? Ты, значит, Карягин, богом избранной — золото Родине даешь, чтобыть тебя потом в совецкой рай зачислили после победы! Ты, кастир, во святых потому, что возля самого дьявольского соблазну честно держишься и тебе за то исполать до победы и после ее! Ты, Володьша, в комсомольских, значит, святых — без пайка, без корысти, при нагане своем жизнью рыскуешь. Гляди, и до фронту не добьешься, убьют где-нито в тайге варнаки и опять же исполать тебе до победы ишо и во веки веков мирных!

Крепко похудевшее лицо старика побелело до того сейчас, что рябины стали синеватым отсвечивать, но голос, голос неукротимого Прокурора только силу набирал!

— А дитя, чистая душа, святое свое желание принес — не тебе, начальник, и не тебе, кастир, и не тебе, секретарь комсомольской,— памяти отцовой, осударству своему...

Дед задохнулся.

— ...ето как же вы могли?

— Да дед Никита! — в отчаянии воскликнул я, поняв, в чем дело,— зачем же нас так жестоко обижать, мы же все хотели, как мальчику лучше.

Молчаливый кассир кивнул утвердительно лысой головой.

— Нет, паря, это я хочу, как лучше ему, а все хотели, как выгодней себе, да!

— Ну, Никита Федорыч! — не выдержал даже молчун кассир.— Знай край, да не падай!..

— Молчи, богом убитой! — приказал Прокурор.— За умного сойдешь молчком-то скорей!.. Не ему, а себе, говорю, дурноголовые да глухосердые, эдак! Вы про седни-завтра подумали, дабы не хлопотать, посчитали, разжалобились да на чужое добро больно добры: пусть-де на сиротский фарт парнишка сыт поживет, сколь доведется, а нам и горя мало! А вы про то подумали, каким ему завтра быть, подрослому? А опосля войны и до конца лет своих, а? Э-ех вы-и, слепы души!..

Багровел лицом фронтовик Тузов, тоже на деревянной ноге; старый кассир Николаев, действительно редкостной честности человек, все двигал по блюдечку уже очищенную от породы, червонного золота злополучную самородку; чахоточный Карягин что-то очень деловито искал в бумагах.

Друг на друга мы не глядели. Не глядели и на грозного Прокурора.

Мы глядели на виновника всех волнений.

А он стоял, в звонкую струнку вытянувшись, и в огромной синеве его глаз было такое недетское понимание чего-то важного, чего мы, взрослые, не могли еще понять. И жутковато было глядеть в эту синеву: казалось, прямо сквозь Андронку увидишь нечто такое, от чего вдруг седеют. Что-то огромное, неподъемно тяжелое взваливал дед Никита на хрупкие плечи девятилетнего военного сироты — «межедворника», а мальчишка не гнулся, не ломился. Ведь и сам дед подсох явственно с полуголода да с полного горя: от одного сына легла на стол черная бумага — похоронка, от второго никаких вестей давно не было, а всего их у деда трое было на войне.

— Не серчай, отец! — тихо и проникновенно попросил всегда злой от чахотки Карягин.— Тут моей вины больше всего, надо все же парнишке вырешить паек.

— Да с голоду не помрет, с холоду не замерзнет — не одни во тайге медведи, есть и мы с вами! — любимое свое присловье ввернул дед, вроде чуть оттаял.— А вот вспомните, каков подарок прошлый год посылал на войну сирота?

Мы помнили все. Он тогда потряс нас, подарок приблудного человечка. Едва отогревшийся у чужих стариков, робкий и все еще потерянный, начал Андронка, крепко опоздав, ходить в школу.

В первый класс. А там — подарки как раз собирали детские фронту.

Что мог тогда почти голый и босый потеряшка подарить? Выпросил у бабки чистую белую тряпочку поношенную, иголку да нитки простые черные, потому что вышивных цветастых заробел просить. «Подрубил» на руках тряпочку, получился неказистый носовой платок. Вышил неумело черными простыми нитками Андронка: «Дядя боец бейти немцив за папу».

...Дальше ниток не хватило. Отправили мы тогда Андронкин подарок на фронт.

Андронка, светлая душа, понял, что все позади уже, и засиял, засветился весь, да погасил его сияние начальник:

— Отец, ты же знаешь, отоваривать бонами детское старательское золото могу — в нашем золотопродснабе, а в Фонд обороны... Ребенок ведь, ни опекуна, ни родни. Пусть какой посильный подарок...

— Стой! — Старик построжал, вновь стал Прокурором, грозным и несгибаемым.— Будь-ко во свидетелях, Володьша, ты все ж таки при нагане и комсомольский секлетарь. А ты, Тузов, и вовсе власть законная. Да и вот с начальником прыску Карягиным и с кастиром пишите-ко гумагу форменну и вот об чем... Пиши, кастир, ты, тебе сподручней.

Подумал, шевеля губами, будто читая никому, кроме него, не видное, и строго, впрямь прокурорским голосом заговорил — задиктовал:

— Сего такого-то числа октября месяца тысяча, значит, девятьсот сорок второго году я, кастир-золотоприемщик Николаев Архип Сергеевич, в полном присутствии начальника... Пиши, сказано! — гневно рявкнул он, видя, что кассир замешкался, вопросительно глядя на начальника...— и председателя сельсовету — имя-то, поди, сам помнишь?.. а так же комсомольского секлетаря — небось, тоже знаешь?.. составили настоящий... это ты сам лучше знашь акт ли, протокол ли... об том, что сего же числа приняли от...

Старик выпрямился гордо и грозно, глаза под дремучими серебряными бровями загорелись светлой яростью. Одной рукой он поднял бадиг-костыль, как винтовку, другой привлек к себе головенку фартового Андронки, и тот замер тоже, обжигая нас нестерпимым синим пламенем огромных — во все лицо! — глаз.

— ...честного малолетного гражданина Советского Союза Андрон Степаныча Мешкова, сына убиенного на поле брани воина Степан Овдокимыча Мешкова...— гремел набатно, потрясающе Прокурор, и только кассир сидел, а мы все стояли в струнку, даже хромой Тузов, а в Андронкины глаза уже невозможно было глядеть...— самородку червонного золота на двадцать девять грамм восемьсот миллиграмм, честно и добросовестно поднятую на вольном старательстве, в ничьем забое, в разрешенном месте. И ету самородку в Фонд обороны зачислить целиком и по стоимости, согласно закону и великому хотению малолетнего гражданина чистой души Андрон Степаныча Мешкова, за что от нас ему ото всех земной поклон!

Дед Никита откинул деревянную ногу с культи, тяжело согнул здоровую и, оттолкнув чуть напуганного Андронку, трижды, до полу, на колене стоя, поклонился ему. Я кинулся помочь ему встать, но он навалился на свой богатырский посох, встал, выпрямился, подставил под колено деревяшку и, вновь утвердившись, продолжил:

— А за несовершеннолетием его, Андрон Степаныча Мешкова, доброе его желание и великое хотение утверждаю я, как отныне его приемный воспитатель и воскормитель. И ответ весь беру на себя до самой моей смерти. А так же мы все, его и воспитателя знающие, и ответственные за людей начальники подтверждам и согласны, в чем и расписуемся. ...Где мне теперича расписаться?

Огромная, костистая, обтянутая уже по-старчески лишней кожей, вся в застарелых шрамах от дратвы и черная навечно от вара, рука неистового Прокурора дрожала крупно, и подписался он с трудом.

Тузов, потерявший ногу на войне до бедра, открыто плакал, ставя беспрекословно печать на необычную «гумагу». Карягин расписался и ушел за печь — плевать кровью и кашлять. Кассир торжественно вынес из кассы специальную банку под золото — даже с надписью белым «Фонд обороны» — и при всех опустил туда Андронкин фарт, самородок весом в двадцать девять граммов восемьсот миллиграммов. Потом заставил нас расписаться всех на какой-то своей специальной ведомости.

И — Андронку!..

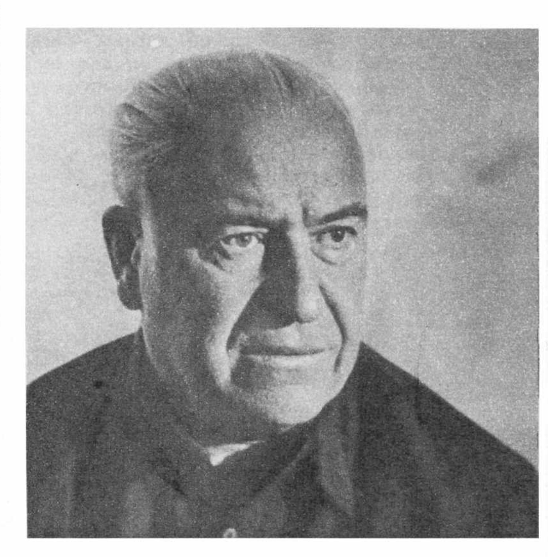
Горло жгло. Я выскочил под леденящий ветер на улицу и мелкую крупу, которая секла с неба опять немилосердно: видать, переполнены были ею все небесные сусеки. Карька привычно пошел за мной без оклика.

Дед Никита вскоре тоже вышел — рука в руку с честным малолетним гражданином Советского Союза Андроном Степановичем Мешковым, сыном погибшего воина. Вбивая в грязь деревянную ногу и крепко утверждая на земле могучий сапог, он прошел на средину маленькой приисковой площади, встал, все так же держа мальчика за руку. Вскинутая палка тускло блеснула в небо медным наконечником, как древняя пищаль. Взметнув бородищу, старик сильно и глухо крикнул в небо:

— Нету на такую землю погибели! Слышишь, господи, нету!..

Серебряная борода его реяла по мокрому ветру, и дед издали походил на неукротимого библейского пророка. Хотя я, конечно, никогда в жизни не видал библейских пророков.

г. Кишинев.

ПАМЯТИ А. А. ДЕЙНЕКИ

Дейнека — эпоха в истории нашего искусства. Он сказал новое слово в живописи. Так же, как Маяковский в поэзии и Прокофьев в музыке. Он почувствовал ритм времени и отразил его в творениях эпических и монументальных...

Дейнека ушел. Он ушел от нас в те солнечные июньские дни, когда открылась выставка его работ — плод полувекового труда, плод его любви и страданий, раздумий и радостей. Дейнека часто говорил: «Мои картины — мои дети». И на выставке 250 его детей. Они расскажут потомкам об эпохе, в которой жил и творил художник. Пройдите по залам Академии художеств, и вы услышите их голоса. Одни из них суровы и гневны. Вы слышите рев снарядов и визг бомб, звуки маршей и чеканный ритм шагов стальных шеренг солдат революции. Иные голоса нежны и тихи, и до вас доносятся ровное дыхание спящего младенца, шелест листвы берез, пение вольного ветра.

Сложный, как время,— таков Дейнека.

В его доме не было очков. Он был зорок до последнего дня. В его доме не было масок. Он был честен и прям до предела. Он был скуп на слова и щедр в своих привязанностях. Его живопись тонка в буквальном смысле слова. Есть холсты, на которые не истрачен даже тюбик краски, но каждая картина мастера — плод огромного духовного напряжения и творческого огня.

Враг пустозвонства и фальши, Дейнека раскрывал в своих полотнах себя, свое честное сердце, свою чистую, светлую душу. Он любил жизнь, красоту человека, он любовался природой, ненавидел уродство, презирал трусость, был тверд в своих убеждениях. Его жизнь — пример искренности, и поэтому его картины сотворены как бы одним дыханием, предельно, до гениальности просто. Ему не нужно было переписывать однажды сделанное не потому, что ему нечего было больше сказать, а потому, что, однажды сделав, Дейнека вкладывал в каждый мазок и удар резца весь опыт, всю мудрость, всю силу страсти. Он много и до последнего дня работал. Работал и учился. Он преклонялся перед великими мастерами Ренессанса, боготворил Рублева. Но Дейнека есть Дейнека! Он однажды сам увидел мир и удивился. Удивился до прозрения, как человек, впервые увидевший нашу планету. И этот восторг прозрения он передал людям, воплотив его в поражающий ряд картин, неповторимых по свежести, кристально чистых, с короткой, известной всему миру подписью — Дейнека.

Напрасно иные ищут истоки творчества художника, называя чужеземные адреса. Единственный учитель Дейнеки, строгий и непреклонный,— это время и его совесть. Он сын России, своего народа.

Новая красота. Эти слова часто произносил Дейнека. Он удивительно чутко ощущал новь. В ажурных металлических пролетах новых цехов, в стремительных линиях летящего самолета, в раскованных движениях спортсменов. Острый ритм, четкий силуэт, звонкий колорит, ясность композиции — таков стиль мастера. В работах Дейнеки словно слышишь биение пульса эпохи. Его шедевры — вехи в истории советского искусства. Его картины — страницы летописи жизни Родины, страницы, полные драматизма, труда, пафоса побед. На его холстах во всей своей красоте встает образ нашего современника.

Искусство Дейнеки — сама молодость, энергия, динамика. Сама жизнь. Поэтому так нелепа смерть рядом с этим именем.

И он не умер. Этому свидетели миллионы людей, любящих искусство Дейнеки. Этому свидетели многотысячный поток зрителей на юбилейной выставке художника. Этому свидетель — книга отзывов, полная горячей благодарности художнику, человеку, поэту. Вот одна из записей в книге отзывов: «Такое творчество попирает смерть».

Дейнека ушел... Опустела маленькая квартира на Бронной. Оголены стены,— все картины на выставке. На подоконнике стоят разноцветные баночки гуаши. Осиротела мастерская на улице Горького. Больше никогда тебя не встретит на пороге большой седой человек в вишнево-красной спортивной рубашке. Не ощутишь ты пожатия его крепкой руки, не услышишь мудрых, неспешных слов. В это трудно поверить...

Дейнека писал полвека назад: «Наши мысли должны быть чисты, чисты и красивы. Они должны быть солнечны, как свобода». И художник пронес через всю свою жизнь этот девиз в своих неповторимых творениях.

«Александр Дейнека — величайший художник нашего времени. Считаем необходимым создать музей из произведений А. Дейнеки»,— записано в книге отзывов на юбилейной выставке. Нельзя не согласиться с этой мыслью. Это будет всенародным признанием творчества Героя Социалистического Труда, народного художника СССР, академика, лауреата Ленинской премии Александра Александровича Дейнеки.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ПОСЛЕ ГОНГА

Чемпионат Европы по боксу в Бухаресте был интересным и поучительным. Известны его итоги, но долго еще люди, близкие к боксу, будут возвращаться к событиям, развернувшимся на ринге стадиона имени 23 августа. Пищу для размышлений XVIII чемпионат континента дал обильную.

В вагоне экспресса Москва — Бухарест мы, конечно, много говорили о предстоящих матчах. Туристами ехали на этот раз — поболеть за своих — ветераны советского ринга Евгений и Виктор Огуренковы, Эдуард Аристакесян, Владимир Сафронов, Эдуард Борисов... Вспоминая предыдущие европейские чемпионаты, сходились во мнении, что едва ли произошли такие уж разительные изменения в расстановке сил. Вероятно, снова окажутся сильными команды боксеров Польши, Италии, Венгрии. Многого следует ждать от боксеров Румынии,— не захотят же хозяева чемпионата отставать у себя дома. Верили твердо, что и наши мастера постараются достойно защитить высокую репутацию советского бокса.

Трудноватым, однако все же вполне вероятным, представлялся крупный успех на ринге в Бухаресте. Сильный и ровный состав, подлинный сплав опыта и молодости, привез на чемпионат Алексей Иванович Киселев, новый тренер нашей сборной, человек, знающий толк в напряженнейших поединках, еще недавно один из сильнейших полутяжеловесов. Самую легкую весовую категорию представлял молодой Анатолий Семенов, далее — чемпионы страны Николай Новиков, Игорь Кулагин, олимпийский чемпион Валериан Соколов, ветеран ринга Сергей Ломакин, чемпион Европы Валерий Фролов, призер олимпийских игр в Мексике Владимир Мусалимов, молодой, стойкий и техничный мастер Валерий Трегубов, финалист чемпионата страны Владимир Тарасенков, чемпион олимпийских игр и дважды чемпион Европы Дан Позняк, молодой, способный тяжеловес Александр Васюшкин.

НЕОЖИДАННОСТИ, ОТКРЫТИЯ

На ярко освещенном ринге с первого удара гонга начались неожиданности, начались открытия, настораживающие, заставляющие пересмотреть многое.

Европейский любительский бокс переживает пору подъема. Таким было первое впечатление. И это впечатление подтверждалось и укреплялось по мере того, как чемпионат набирал темп, вовлекая в свое все убыстряющееся движение новых и новых представителей школ и направлений в современном боксе.

Забегая вперед, приведу характерную подробность. Всего два или три нокаута было зафиксировано на чемпионате в Бухаресте. Это довольно точная примета зрелого мастерства ведения боя. Ведь, разумеется, не было недостатка на этом турнире в атлетах, обладающих резким и мощным ударом.

Владение разнообразной техникой оказалось присущим подавляющему большинству участников европейского первенства. Хорошая подготовка позволяла вести поединки с ясной головой, стремиться к победе не за счет безудержного напора, что прежде частенько бывало, а с помощью определенного тактического плана. Было интересно следить за тем, как, встречаясь в единоборстве, упорно отстаивают свои позиции и взгляды самые разные по стилю боксеры. Жаль, что иной раз жребий сводил слишком рано ярких по своей индивидуальности, полных своеобразия мастеров. Так случилось, например, с финским боксером К. Мероненом. Он в первом же своем бою встретился с югославом Веселиновичем. Свободной, маневренной манере ведения боя на дальней дистанции, которой придерживался югославский мастер, финн умело противопоставил рациональный, скуповатый, расчетливый бой, жесткие контратакующие серии. Бой получился захватывающим. Одержал верх югославский мастер. Но близок к успеху был и финский боксер. Можно бы не вспоминать, пожалуй, эту встречу. Однако в ней весьма выразительно предстало появление на европейском ринге серьезного по возможным последствиям направления — игрового по сути своей, жесткого и нацеленного боя, лишенного внешних эффектов. Думается, что определенный успех, с которым выступали на чемпионате в Бухаресте боксеры Англии, Шотландии, Ирландии, Франции, Финляндии, исповедующие именно эту манеру, не должен пройти незамеченным.

Весьма отрадным оказался заметный рост мастерства боксеров Болгарии. Три болгарских мастера ринга выступали в финале, третье командное место в чемпионате Европы! Легковес Стоян Пиличев, боксер первого полусреднего веса Нетир Стойчев, могучий и техничный тяжеловес Кирилл Пандов стали обладателями серебряных медалей. Простота, логичность действий в сочетании с завидной стойкостью в борьбе отличают стиль болгарских боксеров.

Неожиданности, открытия... Несколько сдала свои лидирующие позиции славная своими традиционными успехами команда боксеров Польши. Впервые за последние годы ни один польский боксер не оказался в числе финалистов. Впрочем, это можно понять. Покинули ринг многие воспитанники «папаши Штамма», да и сам он по своему почтенному возрасту отошел от руководства сборной. Старый его соратник и правая рука Павел Сидло привез в Бухарест молодую команду. Нет сомнений в том, что молодые мастера скоро возьмут свое: школа остается школой. И за примерами, как говорится, не надо далеко ходить. Сумел же наш добрый знакомый замечательный венгерский мастер Ласло Папп воспитать не за такой уж долгий срок сразу двух чемпионов Европы — двадцатилетних Дьердя Гедо (48 кг) и Ласло Орбана (57 кг). Ласло Папп, старший тренер венгерских боксеров, между прочим, мало изменился. Все такой же подтянутый, ладный, все та же приветливая и доброжелательная белозубая улыбка под черными тонкими усиками. И, что самое важное, кажется, он всерьез намеревается еще долго жить на ринге. Так, во всяком случае, мне представилось, когда я видел, как постепенно, уверенно набирают и набирают очки его ученики в трудных, равных финальных боях.

Еще одна неожиданность или открытие. Да, конечно, можно было предполагать, что боксеры страны — хозяина чемпионата постараются сделать все, чтобы не огорчать своих соотечественников. Но такого крупного успеха, который пришел на XVIII первенстве континента к боксерам Румынии, думается, трудно было ждать. Напомним, что за все семнадцать предыдущих чемпионатов Европы лишь два румынских боксера завоевывали золотые медали.

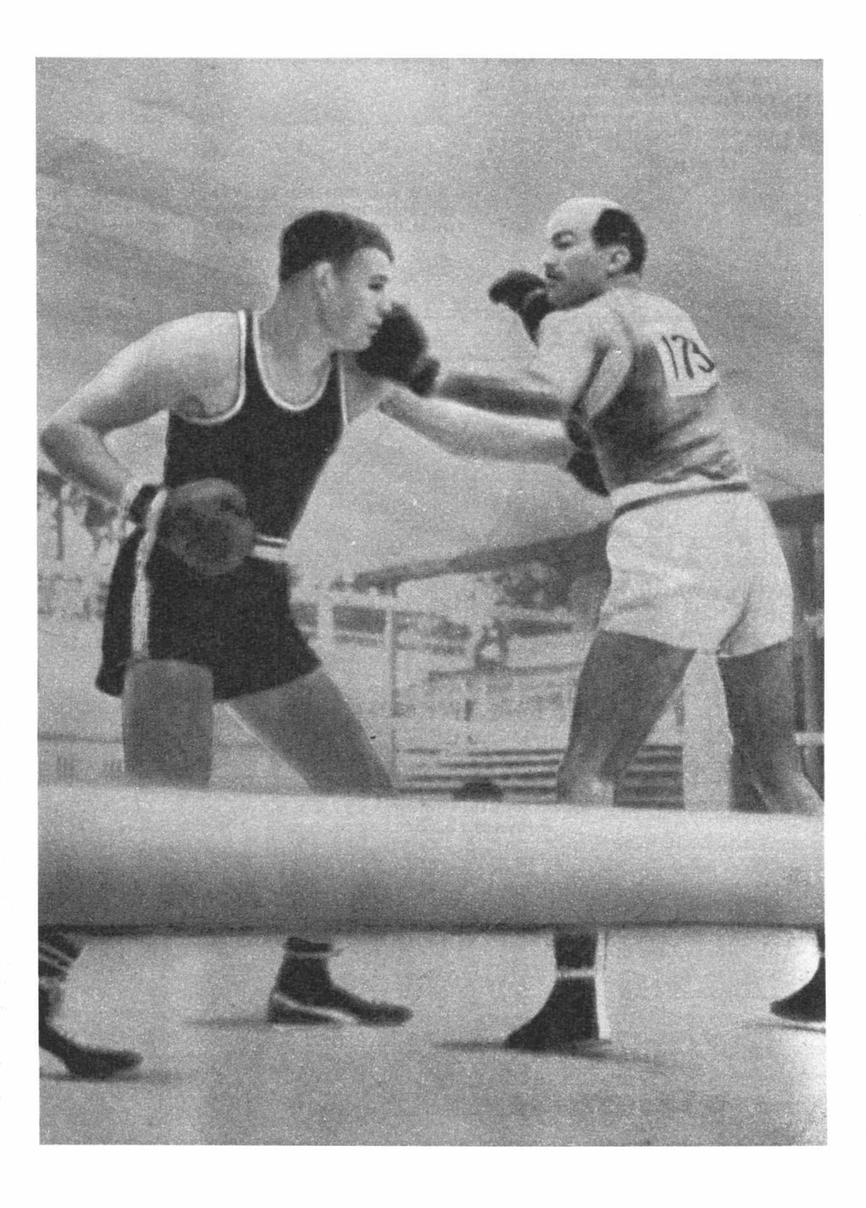
Итог выступлений румынских боксеров на бухарестском ринге известен: Константин Чука (51 кг), Аурел Думитреску (54 кг), Калистрат Куцов (60 кг), тяжеловес Ион Алексе стали чемпионами Европы; Виктор Зильберман (67 кг) и полутяжеловес Ион Моня — серебряные призеры.

Они отлично подготовились к европейскому чемпионату. Случайно не приходит большой успех. Разумеется, горячая поддержка зрителей значит немало. Однако, если нет настоящего мастерства, сколько бы на трибунах ни кричали, первым на ринге не станешь. Наблюдая за тем, как умело выступали румынские боксеры, я отчетливо представлял себе, какую большую тренировочную работу проделали они, стремясь взять на вооружение все лучшее, что дал в последние годы европейский бокс. Темперамент, силовая напористость, некогда присущие румынским мастерам, не исчезнув совсем, стали строже, усмиренные рассудком, диктующим законы тактики, расчета. Появились видение ринга, хорошая раскладка сил. Особенно понравился Константин Чука. В его манере ведения боя, легкой, подвижной, способности предугадывать и опережать действия соперника, умении гибко перестраивать тактику поединка в зависимости от особенностей соперника — черты того, к чему идет бокс в Румынии.

Хорошее мастерство, умение вести бой на разных дистанциях позволили Гюнтеру Майеру (ФРГ) стать чемпионом Европы в Бухаресте. Подобно турецкому боксеру Сефри Татару, итальянцу Факетти, Гюнтер Майер — яркая индивидуальность. В целом же команды, которые они представляли, не произвели впечатления ровных и сильных.

Теперь уже трехкратный чемпион Европы Дан Позняк (справа).

Телефото Аджерпресс — ТАСС.

ТРАДИЦИЯ НЕ НАРУШЕНА

Наши мастера начали европейский турнир не очень удачно. Трое выбыли из соревнований еще в предварительных боях. Помню, в первый день чемпионата, когда, накинув на плечи халат, шел к рингу Анатолий Семенов в сопровождении тренеров Алексея Киселева и Олега Фролова, подумалось: хорошо бы сразу — победа! Это ведь всегда поднимает настроение у тех, кому выходить следом.

К сожалению, Анатолий свой первый бой проиграл. Его соперник, польский боксер Рожек, оказался расчетливее. Превосходно проведя первый раунд, Семенов оставил за собой и второй. Но в последнем, третьем раунде был совершенно неузнаваем, устал, сник, пропустил много ударов. Явно не хватило сил. Досадно!

Утешил было Валериан Соколов. Его бой с польским боксером Про-

хонем был, бесспорно, одним из лучших на чемпионате. Трудный поединок. Польский мастер стремился навязать Валериану темповую схватку, ближний бой. Широкое маневрирование, энергичные, резкие контратаки нейтрализовали эти попытки, позволили Соколову быть полным хозяином положения. Очень жаль, что через день травма брови помешала нашему боксеру довести до конца столь же удачно начатую встречу с румыном Пушкашем. Полагаю, у нас были все основания рассчитывать на победу Валериана Соколова в турнире полулегковесов.

Первый выход на ринг в Бухаресте молодого Игоря Кулагина оказался последним. В бою с ирландцем Даулингом Игорь сумел неплохо продержаться лишь первые три минуты. Затем, когда ирландский боксер пошел на обострение боя, неожиданно оказалось, что у Игоря Кулагина крайне слаба защита. В результате он побывал в нокдауне и проиграл. Остается лишь удивляться тому, как могли тренеры сборной не заметить столь существенного недостатка в подготовке молодого боксера!

Проиграл первый же свой бой и наш тяжеловес Александр Васюшкин. Начал он свою встречу с боксером Хассингом (ФРГ) горячо, напористо, в быстром темпе. Казалось, что исход поединка ясен. И вдруг — снова разочарование. Ненужная горячность, спешка привели к тому, что наш тяжеловес, «перегорев», с трудом провел заключительный раунд. Судьи отдали в своих записках предпочтение его сопернику.

Для того, чтобы уж не возвращаться к тому, что не очень-то приятно вспоминать, скажу, что и последовавшие позднее поражения трех наших боксеров — Николая Новикова, Сергея Ломакина и Владимира Мусалимова, без сомнения, связаны с тем же, весьма существенным изъяном — недостатком физической выносливости. Откуда взялась вдруг у нас эта проблема третьего раунда? Думается, нашему тренерскому составу надо всерьез озаботиться неотложной задачей — крепкой, надежной закалки спортсменов. Слишком дорого обходится хорошим мастерам ощутимая нехватка сил на завершающей стадии боя.

И все-таки, несмотря на ряд неудач, особенно, быть может, ощутимых оттого, что случились они по причине, которой могло и не быть, конечное впечатление от выступления команды советских боксеров на XVIII чемпионате Европы осталось отрадное.

Иногда мы слишком многого хотим от наших ребят-спортсменов и не умеем поэтому по достоинству ценить настоящий, большой успех.

Нет, не была и на этот раз нарушена нашими мастерами бокса добрая традиция — быть впереди в крупных, ответственнейших международных турнирах.

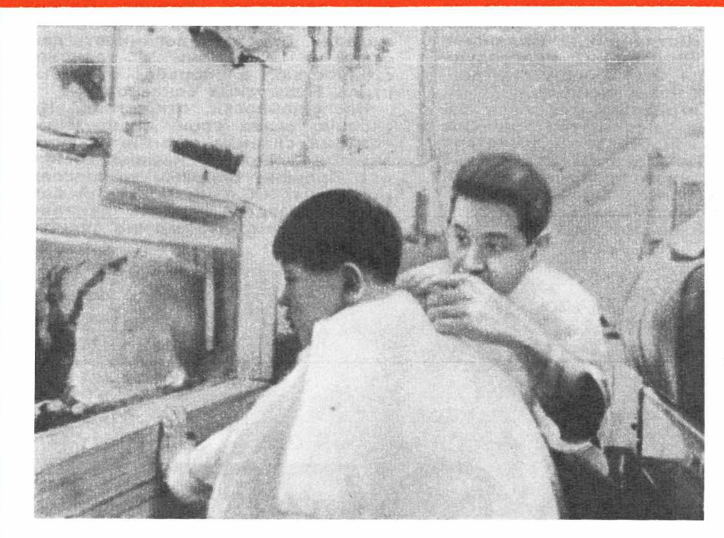
Финал чемпионата транслировался по телевидению. Значит, миллионы советских людей, любящих бокс, сами видели, как мужественно, стойко, умело вели себя на ринге Валерий Фролов, Валерий Трегубов, Владимир Тарасенков и бессменный капитан сборной Дан Позняк. Все они выразительно, уверенно добились победы в чемпионате Европы 1969 года, самом представительном и, кажется, самом напряженном и трудном.

В заключение — о тяжелом весе. Турнир в Бухаресте еще раз подтвердил, что в европейском любительском боксе крайне мало хороших тяжеловесов. Значит ли это, что так должно быть и у нас? Не так уж далеко время, когда на нашем ринге выступали отличные мастера в этой весовой категории. Николай Королев, Андро Навасардов, Мартин Линнамяги, потом — Альгердас Шоцикас. Проводились интереснейшие матчи-турниры на звание абсолютного чемпиона страны. Каждый из таких матчей был крупным событием в спорте. Почему мы отказались от них?..

Воспитание зрелого мастера-тяжеловеса, вероятно,— дело трудное. Нужна большая, кропотливая тренировочная работа, с тем чтобы громадная физическая сила получила всестороннюю огранку. Раньше у нас умели это делать. Может быть, умеем и теперь? Проблема заслуживает серьезного внимания.

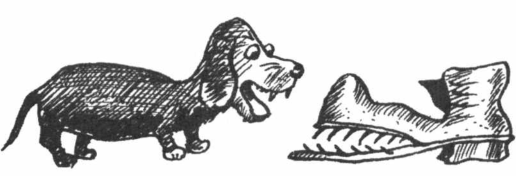
Михаил АЛЕКСАНДРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Бухарест — Москва.

ВМЕСТО ЗЕРКАЛ

Один токийский парикмахер в своем салоне вместо зеркал установил аквариумы с рыбками. Теперь его маленькие пациенты во время стрижки сидят спокойно, увлеченные красотой плавающих рыбок.

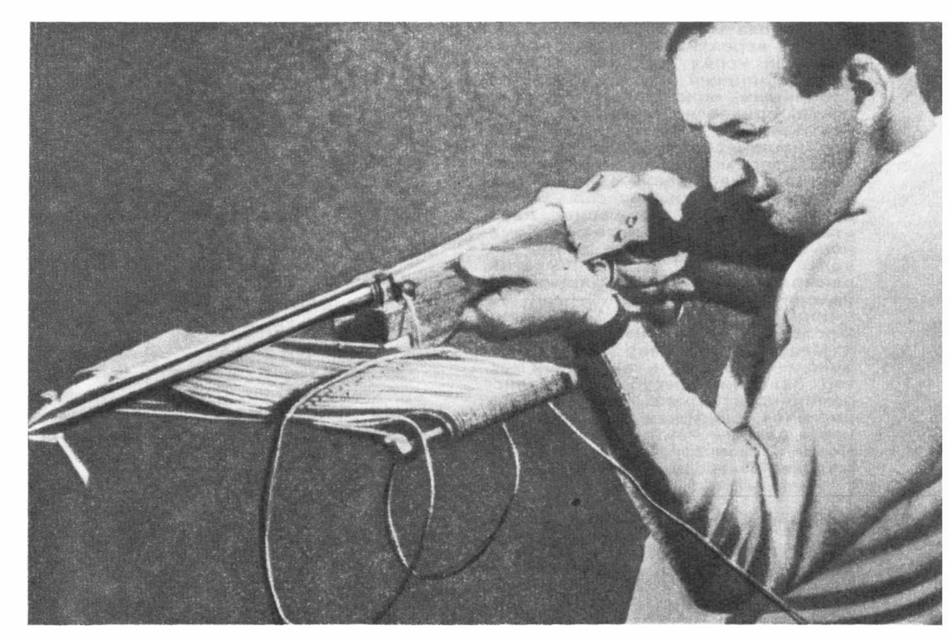

Встреча.
Рисунок О. Помочилина.

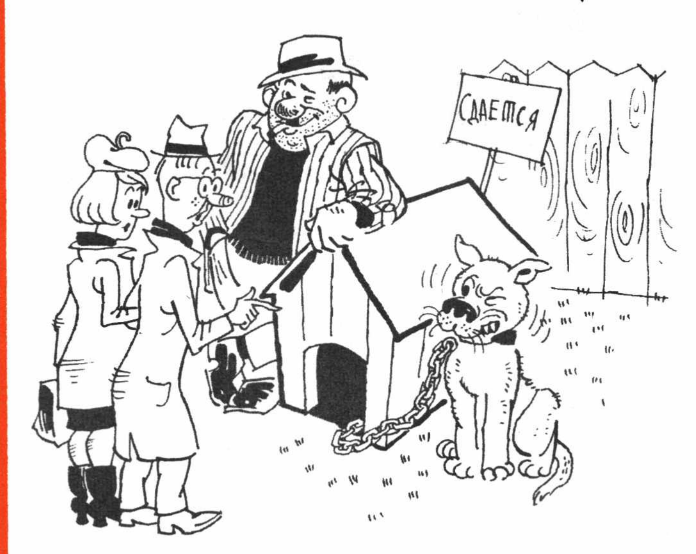
ЛЕСНЫЕ СТУПЕНЬКИ

Эта необычная лестница построена в парке под Парижем, где открыта международная выставка цветов.

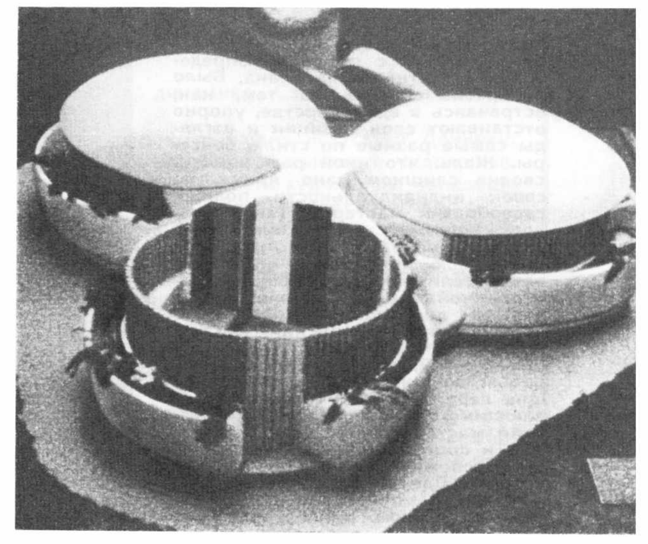

РУЖЬЕ-ГАРПУН

В Англии появились в продаже гарпунные ружья новой конструкции, предназначенные для охоты на акул и крупную рыбу. Ружье обладает очень сильным боем и выбрасывает гарпун весом 448 граммов.

— А он ничего не будет иметь против!
Рисунок Б. Боссарта.

ДОМИКИ-ГРИБЫ

Такие круглые домики для туристов строят в Алжире.

САМОДЕЛКА

Англичанин Питер Смит построил для своих маленьких дочерей небольшой автобус. Его длина — три метра, ширина — восемьдесят сантиметров, скорость — до шестнадцати километров в час.

— Дальше, Красная Шапочка, нельзя: зона отдыха, лапы пораню.

Рисунок В. Воеводина.

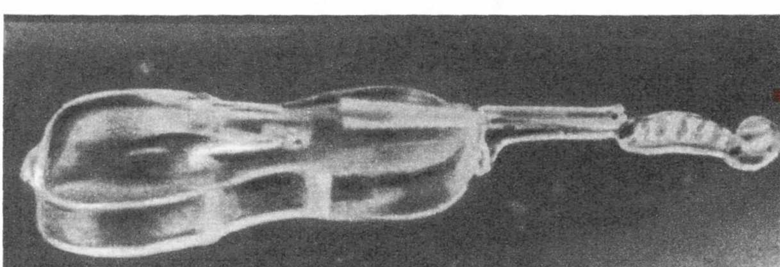
ПАССАЖИРЫ И ЭКСКУРСАНТЫ

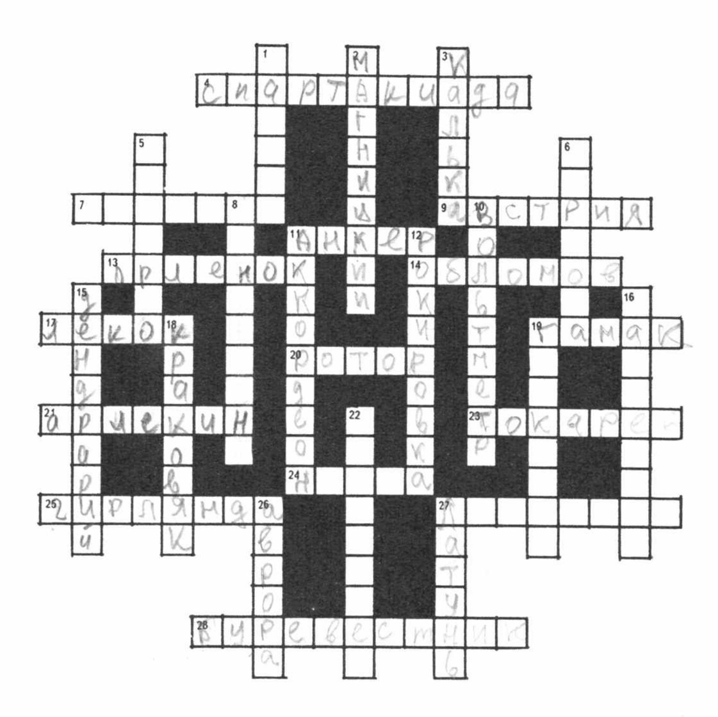
Парижский музей Лувр открыл свой филиал на станции метро «Лувр». Теперь число пассажиров на этой станции значительно возросло.

СТЕКЛЯННАЯ СКРИПКА

В музее в предгорьях Шумавы (Чехословакия) экспонируется скрипка, сделанная из стекла. Специалисты утверждают, что по звуку она не уступает деревянной.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Массовое состязание. 7. Сорт яблок. 9. Государство в Европе. 11. Часть ходового механизма часов. 13. Пионерский лагерь на Черноморском побережье. 14. Роман И. А. Гончарова. 17. Французский композитор, автор оперетт. 19. Подвесное ложе. 20. Вращающаяся часть турбины. 21. Персонаж комедии масок. 23. Советский конструктор автоматического оружия. 24. Опера В. Беллини. 25. Украшение из цветов и зелени. 27. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 28. Морская птица.

По вертикали: 1. Ягода. 2. Автор первого русского печатного курса математики. 3. Прозрачная бумага или тонкая ткань, применяемая при черчении. 5. Озеро в США и Канаде. 6. Река в Якутии. 8. Материк. 10. Прибор для измерения электрического напряжения. 11. Музыкальный инструмент. 12. Шахматный ход. 15. Участок ботанического сада. 16. Остров в Балтийском море. 18. Польский танец. 19. Созвездие северного полушария неба. 22. Актер, играющий в кинокомедии «Верные друзья». 26. Исторический крейсер. 27. Сплав меди с цинком.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 3. Басов. 8. Конфетти. 9. Чечевица. 11. Бухта. 13. Бородин. 14. Ванадий. 15. Сылва. 17. Драма. 18. Керчь. 19. Русак. 21. Леток. 24. Опера. 27. Глазурь. 28. Камелия. 29. «Столп». 30. Геодезия. 31. Селенных. 32. Копия.

По вертикали: 1. Каникулы. 2. Кокчетав. 4. Анероид. 5. Метрика. 6. Центавр. 7. Миткаль. 10. Нонпарель. 12. Финляндия. 15. Садко. 16. Акула. 19. «Разгром». 20. Стрепет. 22. Траншея. 23. Крекинг. 25. Петляков. 26. Рыльский.

На первой странице обложки: Москва. 17 июня 1969. Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий.

Фото А. Устинова.

На третьей странице обложки: Ледовый аэродром высокоширотной экспедиции принял первый самолет с Большой земли.

Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: Березы Подмосковья.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00362. Сдано в набор 3/VI-69 г. Подписано к печ. 17/VI-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1009. Заказ № 1578.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КОНКУРСНЫЕ ПУТИ К ОЛИМПУ

Первый Международный конкурс артистов балета в Москве уже несколько недель занимает ценителей искусства. Начиная с первого дня первого тура все ярусы Большого театра до отказа заполнены любителями балета. Столь различные в своей обыденной жизни люди, едва вступая в фойе театра, становятся в чем-то неуловимо схожими. Кажется, все они знакомы друг с другом, так оживленно вспыхивают дискуссии, так непринужденно звучат оценки.

Вот на сцене самая молодая пара: Людмила Семеняка и Николай Ковмир, ученики Ленинградского хореографического училища. Они исполняют «Классический дуэт» Делиба. В зале нет ни одного лица, на котором не появилась бы улыбка, когда танцевали юные артисты. У них очень хорошая школа, в их манере чувствуются именно те нюансы, которые характерны для ленинградской школы, но все это где-то на втором плане, а главное — трогательная застенчивость, которая борется с молодым задором... Каждое движение балерины отражается на лицах зрителей, и словно единый вздох прозвучал в зале, когда Людмила радостно, победно улыбнулась, сделав труднейшие фуэте.

Новые и новые имена произносятся в Большом театре. Новые и новые молодые артисты выходят на сцену, чтобы продемонстрировать перед жюри, перед зрителями свое искусство.

Только что отзвучала дивная музыка Чайковского из балета «Спящая красавица». Вариацию танцевала Ангелика Борнхаузен, балерина из ФРГ. Грациозная, точная, она по-новому, совсем необычно прочла эту страничку из любимого всеми балета.

Музыка великого русского композитора звучала не раз во время первого тура. Па-де-де, вариации из его балетов танцевали артисты из Японии и ОАР, Советского Союза и США. И, как всегда в подобных случаях, наибольший интерес вызывали у зрителей исполнители, сумевшие внести в танец свое понимание, свою душу, свой национальный колорит. В одном случае это была типично японская утонченность, с которой танцевала Сидзуко Тацибана, а в другом какая-то даже ковбойская смелость, с какою американские танцоры Линда Финхольт и Мариус Андахази рассказали о популярности бессмертной музыки П. И. Чайковского.

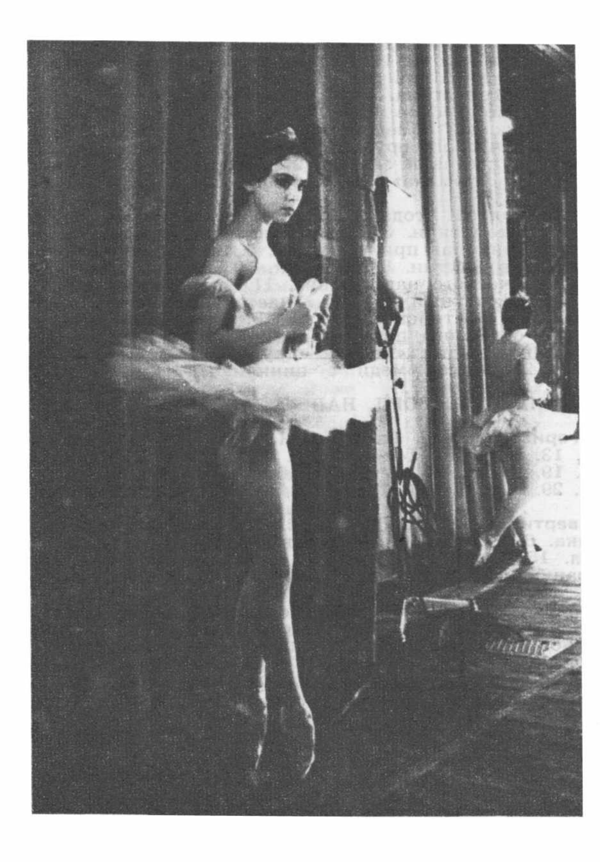
Каждый конкурс предполагает неожиданность открытий; пожалуй, первым таким открытием на балетном конкурсе стало выступление двадцатидвухлетнего японского танцовщика Хидео Фукагавы. Когда на сцену буквально вылетел необыкновенно изящный черноволосый юноша, зал сразу взорвался аплодисментами. Необычайно высокий прыжок, мягкость и благородство манеры танцовщика вызвали новую бурю оваций, имя Фукагавы раздавалось повсюду, и завзятые балетоманы единодушно пришли к выводу: это не просто талант, это — явление!

Но давайте на сегодня хоть на какой-то момент вообще забудем об оценках, о будущих результатах. Решающее слово жюри еще впереди. Совсем скоро будет известно, кто занял высшие ступени конкурсного Олимпа, став золотым лауреатом, а кому остается надеяться на улыбку балетной фортуны в будущем...

Сегодня же на конкурсе царят радость и надежда, робость и смелые дерзания, отчаянное волнение и внешнее самообладание, а надо всем этим — неизбежные спутники большого искусства: взволнованность и праздничность!

«Мы знаем, что члены жюри предъявят к нам самые высокие требования, знаем, что многое еще не умеем. Но то, что нас увидит Уланова,— это уже счастье!» — так говорят многие участники конкурса.

О. САХАРОВА

Людмила Семеняка перед выходом на сцену.
Фото Е. Умнова.

Два месяца лицом к лицу.

БОРИС СПАССКИЙ — ЧЕМПИОН МИРА

Сало ФЛОР, международный гроссмейстер

Итак, после напряженной борьбы матч завершен. Борис Спасский добился долгожданной победы и стал десятым чемпионом мира в истории шахмат.

Но каким же бурным, насыщенным драматическими событиями был финиш этого состязания! В 19-й партии Спасский ослепил всех комбинационным фейерверком, а в 20-й Петросян показал, как надо использовать микроскопическое преимущество. Обе эти партии войдут в золотой фонд шахматного творчества.

Восторг в лагере петросяновцев после 20-й партии был велик. Еще бы! Появились реальные шансы, новые надежды: еще одна победа, и снова будет все в порядке. Говорят, и это факт, что Петросян в 20-й партии особенно старался еще и потому, что в этот день его долголетнему тренеру И. Болеславскому исполнилось 50 лет, и Петросяну очень хотелось подарить ему победу. Ему это удалось. Снова всего лишь одно очко разделяло соперников. Как же сложится 21-я партия? Конечно, Петросян будет на подъеме, а Спасский вряд ли сможет подавить растерянность... Но все было наоборот. Спасский удивил всех своим спокойствием и желанием победить, а Петросян — некоторой неуверенностью и прежде всего выбором дебюта.

В мире есть несколько гроссмейстеров — Р. Фишер, П. Керес, Б. Спасский, М. Таль, которые знают испанскую партию до 20-го хода наизусть, причем со всеми тонкостями и нюансами. Почему же Петросян под занавес матча решил плавать в испанских водах? Кто ответит на этот вопрос?

В этот вечер Петросян был явно не в ударе. Он не использовал своих тактических возможностей, и конница претендента оказалась сильнее двух слонов чемпиона мира. В конце концов Петросян остался без двух пешек, и Спасский в третий раз в этом матче увеличил разрыв.

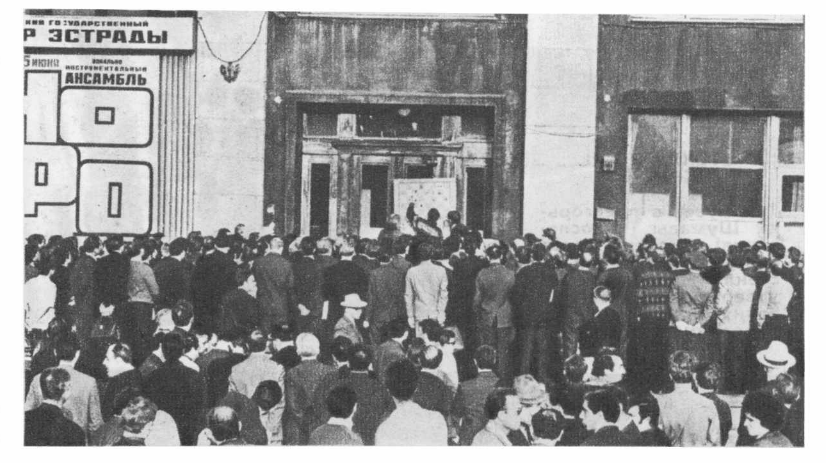
Фоторепортеры — народ нетерпеливый, и, видимо, считая, что вопросов больше нет, они устроили Спасскому засаду у выхода из шахматного клуба, чтобы сфотографировать его после этой важнейшей победы уже как чемпиона мира. Но претендент покинул клуб в настроении отнюдь не праздничном, ибо он знал, как трудно завоевать последнее очко.

— Рано! Рановато! Надо еще работать! — заявил он репортерам.

Положение Петросяна стало крайне тяжелым: ему надо было набрать 2,5 очка из трех. Но для того, чтобы выиграть две партии, необходимо сначала выиграть хотя бы одну. Попытка Петросяна достигнуть этого в 22-й партии не удалась. Спасский не побоялся повторить дебют 20-й встречи, в которой он потерпел поражение. Однако урок в той партии, видимо, пошел Спасскому на пользу: он не стал (как в тот раз) просить ничью, а играл весьма аккуратно и активно и добился желанной ничьей в борьбе. Ничью на 32-м ходу предложил даже сам Петросян, ибо он убедился, что все ресурсы наступления исчерпаны.

Итак, счет стал 12 : 10 в пользу Спасского. Такой же счет был и в 1966 году, но в пользу Петросяна. В понедельник 16 июня, когда началась 23-я партия, Спасскому до шахматного Олимпа оставалось сделать немного — полшага. Еще раз хочется напомнить, что для Бориса Спасского понедельник — день поистине тяжелый: он потерпел в этот день три поражения. Но зато у него был отличный шанс сделать решающие полшага именно в понедельник и после этого заявить во всеуслышание: «Кто считает, что понедельник — день тяжелый? Ничего подобного!..» И Спасский это заявил. Не возобновляя игры, соперники решили считать 23-ю партию законченной вничью. Спасский сделал к победе решающие полшага.

У входа в Московский театр эстрады. **Фото Г. Санько.**

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.